

Андрей Фесюн

ЁСИВАРА

Для справки	2
Предисловие.....	4
Город наслаждений	5
«Новый японец»	11
«Веселые дома» и прочие чайные домики	12
Стоимость удовольствия	16
Гейши и куртизанки	21
Эротические таланты	23
Персонажи Плывущего Мира.....	31
Литература и искусство любви	39
Жизнь на привязи	42
Мода у женщин	50
Две знаменитые гейши	55
Истории о гейшах и куртизанках.....	61
Конец Ёсивара	65

Для справки

ЁСИВАРА – один из известнейших «веселых кварталов» средневекового Эдо. Во времена Токугавы правительство санкционировало проституцию, которая не вызывала осуждения в обществе, и начало выдавать лицензии на устройство и содержание соответствующих заведений, как и на любой другой вид деятельности. Оно лишь преследовало разного рода нарушения, связанные с ними, которые могли угрожать общественному порядку.

Крупнейшими «веселыми кварталами» были Ёсивара в Эдо-Токио, Симабара в Киото, Симмати в Осака, названия которых хорошо известны по произведениям классической японской литературы.

Возникновение Ёсивары связывают с именем предприимчивого дельца Сёгу Дзингэмори, который в 1612 г. обратился к первому сёгуну из династии Токугава — Иэясу — с прошением позволить ему построить в столице специальный квартал для развлечений. Он достаточно убедительно обосновал свое прошение, подчеркнув, как это будет удобно для общества, для его морального климата, если все публичные дома будут собраны в одном месте и вся проституция будет поставлена под контроль в специальном квартале. Разрешение было получено, и в 1626 г. квартал Ёсивара распахнул свои двери в прямом и переносном смысле, ибо он был отделен от города глухими стенами и рвом. Ворота были всего одни — в целях контроля за порядком, за посетителями и обитателями квартала. Вначале название Ёсивара в переводе означало «тростниковая равнина», затем для первой морфемы, «ёси», был подобран другой иероглиф с тем же прочтением, и название стало выглядеть как «равнина радости».

Через сорок четыре года земля потребовалась городским властям под застройку официальными зданиями, и весь квартал переехал на новое, более отдаленное место — в Нихондзучуми. Здесь он функционировал уже круглые сутки, в отличие от прежнего, открытого только днем. Пожары не раз уничтожали дотла бумажно-деревянное гнездо развлечений. Самым страшным был пожар 2 марта 1657 г. Он оставил без крова пятую часть жителей столицы. Исчез и квартал Ёсивара, но уже в сентябре был отстроен заново.

Именно эта «равнина радости» и получила свое красочное отображение в работах мастеров укиё-э. Территория в 15,2 гектара была в полтора раза больше прежней. Квартал состоял из пяти улиц, вдоль которых выстроились дома свиданий, чайные домики, рестораны, жилые дома для разного рода «обслуживающего персонала». В этом мире развлечений все было строго регламентировано: какие и как строить дома, как одеваться куртизанкам и гейшам различных рангов, как принимать гостей и общаться с ними, какие церемонии и праздники проводить.

Красавицы куртизанки были излюбленными моделями художников и героинями писателей и драматургов. Имена некоторых из них передавались из поколения в поколение. По популярности с ними могли соперничать лишь великие актеры традиционного театра Кабуки.

Энциклопедия «Япония от А до Я» // Сайт «Япония сегодня»
– <http://www.japantoday.ru/japanaz/e7.shtml>

Кацусика Хокусай 1760-1849
Ёсивара. Печатная доска и современный отпечаток последнего листа книги
«Взгляд на реку Сумидагава».

Жить всегда единым мигом, тратить все время на удовольствие
от созерцания луны, снега, вишневых цветов и кленовых листьев;
петь песни, пить сакэ, ласкать друг друга, плыть, плыть...
Никогда не расстраиваться, если нет денег,
никогда не быть грустным в глубине сердца;
всегда походить на растение, движимое речным потоком,
– вот что зовется укиё, свободно плывущим миром.

«Повести укиё»

Асаи Рёи, 1661

Будьте готовы к тому, что в Японии не существует греха:
ни первородного, ни какого-либо иного.

«Сознание кимоно»

Бернард Рудольфски

Тот, кто судит со стороны:
эта женщина — порочна, эта — добродетельна,
ничего не знает о любви.

Тамэнага Сюнсуй

Предисловие

Мир, в котором мы живем, — мужской, что бы ни говорили по этому поводу женщины. Туманные времена матриархата (если таковой действительно существовал) остались в настолько далеком прошлом, что о нем мало вспоминают даже самые исступленные феминистки. В политике, экономике и социальной области (включая многочисленные сферы культуры и искусства) принимают решения и руководят мужчины; степень женского присутствия редко достигает хотя бы 10 процентов.

Мы не собираемся рассуждать о том — хорошо это, или плохо (существует масса доводов в пользу обоих мнений); мы просто констатируем факт: так есть. Мужчины доминируют и, следовательно, выстраивают этот мир в соответствии со своими взглядами и потребностями. Одной из таких потребностей, неизменной на протяжении тысячелетий, варьировавшейся лишь по форме реализации, является развлечение в женском обществе. Осознание собственной значимости и подтверждение ее со стороны — одна из базисных человеческих черт, и в этом подтверждении женщины играли и играют важнейшую роль.

Япония не является в этом отношении исключением: люди одинаковы везде. В то же время, экзотичность отправления указанной мужской черты проявилась там в возникновении особого географического места — **Ёсивара**, где мужская половина могла совершенно легально предаваться тому, что в западном (зачастую — весьма ханжеском) лексиконе именовали «пороком». Скажем еще раз, что ни в коем разе не претендуем на оценку этого явления; цель данного изыскания — дать самое общее представление, по возможности — интересное, о столь необычном феномене, существовавшем более полутора столетий и давшем сильный толчок развитию так называемой «городской» культуры позднего средневековья в Японии.

У приводимого ниже текста нет единого автора; подобно большинству полунаучных работ, он представляет собой компиляцию из японских исследований и словарей, немногочисленных переводов на русский язык, а также англоязычных книг.

Там, на тростниковом болоте
Раздается грустный птичий напев...
Не вспоминает ли она то,
Что лучше было бы забыть?..

(Народная песня)

Город наслаждений

В начале XVII века в новообразованном городе царило дикое оживление. Иэясу, первый из сёгунов¹ Токугава, в начале своего правления переместился на пустовавшие земли у восточного побережья. Игнорируя старые традиции города Камакура, он построил свою столицу на тростниковом болоте, где не было даже холмов, рядом с деревушкой, называвшейся Эдо. Был вырыт огромный ров, а располагавшийся там каменный замок был значительно расширен. Очень скоро возник деловой район Нихонбаси, большой парк Уэно, магазины, театры, в Асакуса появились бродячие фокусники, построили храм Ёсикуни.

Поначалу у женщин легкого поведения и содержателей «веселых домов» не было фиксированного места пребывания, но вскоре сёгуну была направлена петиция с просьбой разрешить построение **Кэйсэй–мати** («квартала куртизанок»), которую не удовлетворили без объяснения причин.

В 1612 году содержатель домов свиданий, некий Сёдзи Дзинъэмон вновь просил о создании специального района, весьма благочестиво излагая свои резоны:

Дома с нехорошей славой, прибежище проституток, разбросаны по всему городу: тут, там, во всех направлениях! По вполне понятным причинам, это вредит общественной морали и добропорядочности <...> При настоящем положении, когда некто посещает публичный дом, он может снять себе **юдзё** (проститутку) и развлекаться с ними как заблагорассудится, предав всего себя удовольствиям и плотским утехам до такой степени, что становится трудно определить его социальное положение и достаток, или предотвратить забвение им своего положения и занятий. Он часто остается в доме на несколько дней, совершенно отдавшись похоти и наслаждениям. До тех пор, пока у него не кончились деньги, владелец дома продолжает ублажать его, как гостя. Соответственно, это приводит к забвению долга в отношении вышестоящих, к растратам, воровству и вещам еще более опасным. <...> Тем не менее, владельцы публичных домов позволяют таковым оставаться у них и получать удовольствия, куда те платят деньги.

Хотя законом запрещено похищение детей, все же даже в этом городе некоторые грязные и беспринципные мерзавцы похищают девочек и сманивают девушек из родительских домов под предлогом оказания помощи. Непреложный факт – что некоторые злонамеренные персоны сделали свои обычным занятием увод дочерей из бедных семей под тем предлогом, что принимают их как своих детей, однако, когда девушки подрастают, их отсылают трудиться наложницами или проститутками, и, таким образом, «принявшие» их пожидают золотой урожай.

Если бы публичные дома были все собраны в одно место, то любое похищение детей и ложное принятие в семью можно было бы тщательно расследовать, и, в случае, когда выявилось бы какое–либо преступное действие, информация об этом была бы немедленно передана властям.

Хотя состояние в стране умиротворенное, еще не так давно было осуществлено подчинение провинции Мино, вследствие чего повсюду бродят многочисленные ронин [самураи, лишившиеся господина], ищущие возможности нарушить порядок.

¹ СЕГУН – титул правителей Японии в 1192-1867, при которых императорская династия была лишена реальной власти. Всего было три династии Сегунов: Минамото (1192-1333), Асикага [1335(1338)-1573], Токугава (1603-1867).

Содержатели публичных домов обратят на это особое внимание и проведут специальное расследование в отношении лиц, которых, возможно, обнаружат слоняющимися без дела в квартале проституток. При появлении любого подозрительного лица, они непременно донесут об этом властям.

Если высочайшие повелители удовлетворят это прошение во всей полноте своей щедрой снисходительности, это предстанет для всех великим облегчением.

Сёдзи Дзинъэмон, добропорядочный гражданин, продолжал настаивать, указывая на особые достоинства специального района для «веселых домов». Тщательно построенными логическими выкладками он упорно излагал свои резоны – хорошим почерком, черной тушью. В должное время предложение было рассмотрено, и в 1617 году Сёдзи было объявлено о позволении построить квартал проституток, Фукия–мати.

Позже это уступчивое решение нашло отражение в «Завещании Иэясу»:

Добродетельные люди говорили — и стихами, и прозой, — что дома распущенности для женщин наслаждения и уличных гуляк являются для городов пятнами, изъеденными червями. Однако это — неизбежное зло; если его принудительно запретить, то люди несправедливого поведения станут подобными растрепанной одежде.

Проституткам было приказано не появляться в других частях города, а сам Сёдзи становился Кэйсэй–мати нануси — «Распорядителем Квартала Куртизанок». Было определено несколько базисных правил, которые в целом всегда исполнялись. Были отданы распоряжения относительно архитектуры; одновременно правительство сёгуна не упустило возможности ввести дополнительные меры контроля над своими противниками:

Публичные дома не должны строиться излишне помпезными; обитатели квартала проституток должны нести по отношению к городу такие же обязанности (в качестве пожарных и проч.), как и остальные жители Эдо.

Следует должным образом справляться относительно каждого посетителя, независимо от того, кто он — аристократ, или обычный человек. В случае появления любого подозрительного субъекта, следует немедленно сообщать в Бугё–сё, Департамент градоначальника.

По поводу образования новой коммерческой сферы было много радости и выпитого сакэ. Отведенная под квартал удовольствий земля представляла собой вязкое болото, заросшее камышом и тростником, полное лягушек и насекомых. Но Сёдзи был талантливым администратором и скорым работником. Болото засыпали, выкопали ров и огородили место деревянной стеной.

Вначале именно камыш и тростник дали территории название — Ёсивара, «Тростниковое Болото», однако с помощью небольшой замены два знака превратились в «Радостное Болото» с тем же произношением — Ёсивара. Антрепренеры сочли второе наименование более подходящим месту и устраивающим гостей.

К десятому месяцу третьего года Канъэй (28 ноября 1626 года) Ёсивара пришла в рабочее состояние и была населена гейшами и проститутками. Торговцы, самураи, актеры и

художники заходили в чайные домики, щекотали **кокё** — куртизанок–учениц и резвились с их хозяйками.

Сорок четыре года спустя эта земля понадобилась для официальных построек другого характера. Управляющим Ёсивара было приказано собирать свои матрацы и чашки и перебираться в другое место — в отдаленное Нихондзүцуми. Пространства там было гораздо больше, и, если в старом месте дела шли лишь в дневное время, то в новом все можно поставить действительно широко: с дневными и ночными удовольствиями и без перерывов. Одновременно проституция запрещалась во всех остальных местах, — таких, например, как пятьсот городских бань, в которых не столько мылись, сколько грешили. Кроме того, обитатели Ёсивара освобождались от некоторых обязанностей, таких как тушение огня во время пожаров. Было выделено 10 500 рё — весьма впечатляющая сумма — на переезд и отстраивание заново. В общем, согласно японской поговорке, «чтобы создать мир, сперва надо создать хаос».

Великим бедствием Японии были пожары, вызывавшиеся иногда землетрясением, но в большинстве случаев — неосторожным обращением с огнем, перевернутой лампой или упавшим фонарем.

Старая (Мото) Ёсивара не была исключением. Она горела в 1646 и 1654 годах. Построенная из дерева и бумажных панелей, застеленная тростниковыми циновками и покрытая соломой, она сгорала быстро. Куртизанки, гейши, служанки и слуги бежали со своими узлами, тюками с одеждой, домашними животными, сверчками, — со всем, что успевали схватить. Пожарные мало чем могли помочь, разве что остановить распространение пламени и над Ёсивара всегда витал страх пожара.

Тем не менее, великое несчастье 1657 года – Фурисодэ кадзи, «Пожар одежд с длинными рукавами» (в те дни бедствиям давались поэтические названия), в известном смысле облегчил переезд.

Второго марта 1657 года пламя охватило храм Хоммё в Хонго и прошло по городу Эдо подобно дракону, свирепствуя три дня и три ночи. Почти 110 000 человек лишились жизни, а Ёсивара исчезла с лица земли. По легенде, один храмовый монах решил сжечь одежду, которая, как он считал, приносила несчастье. Порывом ветра горящую ткань забросило к деревянному потолку, и огонь быстро распространился по городу.

В сентябре 1657 года была закончена **Син (Новая) Ёсивара**; на расстоянии броска чайной чашкой от нее располагался храм Асакуса. На картинках того времени изображены монахи, посещающие «веселые дома», с надетыми на головы тростниковыми корзинами **амигаса**, чтобы их не узнали.

Улицы назывались по количеству расположенных на них чайных домиков, например Годзюккэн–мати («Улица пятидесяти домов»). Главный вход звался Омон–гути («Вход через Великие Врата»), а сами ворота — О–мон («Великие Врата»). Имя привратника по традиции всегда было Дзиробэй.

Новая Ёсивара была в два раза больше старой, расположившись на 18 акрах: 325 м с севера на юг и 215 м с востока на запад.

Для потворствования желаниям гостей было выстроено пять улиц, окруженных рвом и застроенных лавками, вскоре превратившимися в **тя–я** (чайные домики).

Другой пожар начался в бане некоего владельца по имени Итибэй, когда тот грел воду в январе 1677 года, и пламя вновь превратило территорию в пепел и сажу. Девушки снова бежали, дрожа от холода, стуча босыми пятками и сжимая в руках свой небогатый скарб. В том же году сильнейший дождь затушил новый пожар, успевший уничтожить лишь половину улицы.

На время, пока квартал отстраивался заново, все его жители перебирались во временно нанятые помещения (нагая) в других районах города и продолжали свой нелегкий труд. Гостей, надо сказать, в такие периоды бывало еще больше, так как считалось особым шиком посещать девиц «в полевых условиях».

Лишь врачам позволялось въезжать в Ёсивара, сидя в переносном кресле или паланкине; все остальные передвигались пешком. Ношение мечей и кинжалов было всегда запрещено, так что оружие оставлялось под присмотром специальных слуг (как в американских вестернах). Причина проста - опьяневший самурай мог бы начал крошить все вокруг. К тому же, как пишет А.Б. Митфорд в «Повестях старой Японии», «известно, что некоторым женщинам внутри жизнь эта была настолько неважно, что, имея оружие, они сразу же покончили бы с собой».

Японский писатель Оти Кодзи дает более радостное описание в стихотворении, якобы прикрепленном к Великим Вратам:

Весенний сон,—
Когда улицы
Полны вишневых цветов.
Признаки осени,—
Когда улицы с обеих сторон
Расцвечены зажженными фонарями.

Сцена, описанная в тексте XVIII века:

Приближение осени, когда на каждой стороне улицы расставлены в линию **торо** (фонари); это имеет отношение к обычаю вывешивать фонари перед каждым чайным домиком в Нака-но тё на протяжении седьмого месяца (по старому календарю), с первого по последний день. Сперва эти торо висели в виде приношения духу некой Тамагику, знаменитой куртизанке стародавних дней. Зайдя в большие ворота

во время этого праздника, бывает очень приятно увидеть ряды этих зажженных фонарей.

На некоторых из них знаменитые художники писали свои картины, и они — истинное произведение искусства; эффектность зрелища еще более усиливается, когда между ними помещают искусственные цветы. Говорят, что приближение осени знаменует крик диких гусей, однако ее также предвещает выставление фонарей в Нака-но тё во время праздника мертвых. Их вид сильнее напоминает зрителям слова старой поэмы: «Увы! Это ночь, когда дух Тамагику приходит навестить торо».

Почти через столетие после пожара 1677 года, в 1768-м Ёсивара вновь сгорела. То же повторилось в 1771, 1772, 1781, 1784-м... — но к чему продолжать? К концу XIX века можно было насчитать около двадцати крупных пожаров, прошедших пламенем по веселому и многострадальному кварталу.

Дважды в году — весной и осенью — издавались путеводители по Ёсивара («Ёсивара сайкэн»). С их помощью, а также рассматривая тысячи гравюр и читая всевозможные истории, мы можем представить себе картину этого места до прихода commodora Пэрри.

Последний из ночных бражников движется к О-мон, «Великим Вратам». Здесь стоят стражи, стерегущие от побега женщин, заключенных более ста пятидесяти «веселых домов» и четырехсот чайных домиков.

Крепкие руки слуг домов удовольствий поддерживают толстых, подвыпивших гостей с обритыми головами. Поэт Кёрай писал с мудростью человека, мучимого похмельем и пустотой в карманах:

Ночь была прохладна...
У меня окостенели суставы,
И я пошел домой...

У Хиросигэ есть знаменитая гравюра с изображением подобной сцены: начальник стражи, старый самурай, покрытый шрамами, кланяется. Кто-то из пьяных служит в замке сёгуна, как показывает несколько помятая накидка с гербами. Другой седой страж смотрит прямо перед собой. Он — старый **ронин**, самурай, чей хозяин погиб в сражении.

Гравюры других художников продолжают рассказ. Солнце поднимается выше. Выстроившиеся в длинную линию чайные домики и публичные дома остаются неподвижно спокойными после ночи с музыкой, танцами, едой и утонченным развратом. Единственное место, где есть какое-то движение — возле огня из дров или угля, разожженного какой-то ранней пташкой; кошка, шествующая с брезгливым достоинством между луж; слуга, бегущий с закрытым подносом из какого-то заведения. В остальном мир Радостного Болота спит, утомленный и переполненный **сакэ** и прочими купленными удовольствиями. Вдоль главной центральной улицы Нака-но тэ утро оттеняют цветущие вишни. Яркие цветки уже падают с веток деревьев, никогда не приносящих плодов; их нежный оттенок резко контрастируют с выветрившейся древесиной высоких заборов, разделяющих заведения.

Посетители добирались до Ёсивара на двухместных лодках. Канал, окружавший квартал, был оборудован несколькими десятками причалов, где гостям подавали чай и освежающее влажное полотенце (**о-сибори**). Собственно в Ёсивара они прибывали на носилках или в паланкине, однако, поскольку предназначалось для общественного пользования лишь сто таких носилок, многие приезжали верхом на лошадях. Стиль менялся: в период Мэйдзи в XIX в. носилки и кони вышли из моды и взамен их появились **дзинрикися** или рикши. Они были активными зазывалами посетителей. Остановив человека на улице, они спрашивали: Хозяин, как насчет того, чтобы прокатиться в Ёсивара? Далее следовало торговаться об оплате за перевозку, устанавливая приемлемую цену. После этого, подхватив оглобли и свой фонарь, рикша вез посетителя навстречу его судьбе.

Для более скорого перемещения, или в случае, когда посетитель был очень тучен, к тянувшему добавлялся толкатель, в результате чего с седока требовалась тройная цена, поскольку одному приходилось возвращаться обратно пешком. Содержатель «веселого дома» платил рикше небольшие деньги за доставку посетителя, и сумму эту после добавлял к его счету. Некоторые рикши подговаривали деревенских нападать на посетителей, а кое-кто занимался грабежом и самостоятельно.

Слава Ёсивара началась с открытия Японии миру; но, хотя при этом она процветала, а временами даже расширялась, она стала быстро терять свое романтическое очарование, которое не восстановилось уже никогда.

С изменением обычаев в погоне за имитацией западного мира, Ёсивара все более стала приобретать черты необычной и экзотической части ночной жизни Японии, местом концентрации обычных проституток, сохранившиеся ритуальные манеры которых, а также сопутствующие процедуры являлись всего лишь внешней видимостью ширившегося бизнеса.

К началу XX в. Ёсивара более не была эксклюзивной и привилегированной. Город процветал, и Ёсивара являлась всего одним из шести лицензированных кварталов. Другими районами удовольствий, так называемыми «укромными местами, местами в глубине» (**окубасё**) были Сусаки, Синагава, Синдзюку, Итабаси и Сэндзю. Особо много «укромных мест» было в районе Фукагава, где на берегу реки выстроилось много «плодочных домиков»

(фунаядо). Выработался даже свой отдельный стиль места: женщины из Фукагава работали по двое, называли себя **тацуми гэйся** («юго-восточными гейшами»), или **хаори гэйся** («гейшами в накидках»), так как носили мужские хаори, подражая мужчинам-артистам. Самыми известными гейшами Фукагава были: Масакити, Куникити, Асакити, Които, Тоёкити, Хисакити, Имасукэ, Кохама. Тем не менее, Ёсивара, пионер в этой области, являлась самым большим местом, которое посетители желали увидеть прежде всего.

Не все путешественники формировали свои впечатления по таким книгам, как «Мадам Хризантема» или «Мадам Слива» популярных авторов типа Пьера Лоти. В 1920-х годах некий Т. Фудзимото издал на английском языке путеводитель по ночной жизни Ёсивара.

Зайдя в ворота, вы попадаете на широкую улицу, по обеим сторонам которой правильными рядами выстроились двухэтажные строения. Улица называется Нака-но тё («Срединная»), а домики с обеих сторон — Хикитэ-тяя (путеводными домами для посетителей). Нежные звуки сямисэн и барабанов доносятся из некоторых помещений на втором этаже.

Вы идете по одной стороне улицы и видите много домов, чей фасад представляет собой большую комнату, со стороны улицы загороженную деревянной решеткой; ее можно назвать «витриной». В комнате девушки, одетые в красное и пурпурное, сидят в ряд, демонстрируя свои раскрашенные лица зрителям, заглядывающим за деревянную решетку, и бесстыдно покуривая свои блинные бамбуковые трубки.

Двое молодых людей, похожих на студентов, подходят к заведению с «витриной». К ним из комнаты выходит девушка, называет одного из них по имени, и те приближаются к решетке. Две девушки, явно находящиеся с молодыми людьми в романтических отношениях, подходят к решетке и приглашают их зайти в дом. Юноши выкуривают трубки, поднесенные им возлюбленными, и, наконец, принимают предложение. Они подходят ко входу и исчезают; одновременно из комнаты выходят две другие девушки, чтобы встретить их спутников.

Вы следуете далее и попадаете на другую улицу, Кё-мати. Это здесь — самая процветающая и шумная улица; красивые девушки собраны в домах второго ранга. Вы видите, как в переполненных ресторанах мальчики носят коробки с блюдами, а служанки спешат с бутылками сакэ. Так, заглядывая в лавки и обсуждая девушек вы доходите кругом до другого конца Нака-но тё.

Весенние и летние ночи — периоды наибольшей активности в Ёсивара за весь год. Весной несколько сотен вишен сажаются на улице Нака-но тё, и все ветви освещаются тысячами маленьких электрических лампочек. У подножий деревьев зажигаются бумажные фонарики, каждый из которых установлен на ножке около метра в длину, что образует правильную линию, похожую на штaketник, окружающую вишневые деревья. Когда ночной ветер сдувает лепестки, чудесен вид, когда они, подобно белоснежным снежинкам падают на фонари.

К началу вечера мужчины и женщины, возвращающиеся с пикника в Уэно или Мукодзима (два места, знаменитых вишневыми деревьями), заглядывают сюда, чтобы полюбоваться ночными лепестками вишни в Ёсивара. Жены и молодые девушки в особенности любят посещать Ёсивара в это время, так как для них это наилучшая возможность подробно

рассмотреть «веселые дома» и женщин легкого поведения, поскольку они могут ходить по улицам публичных домов вместе со своими мужьями.

Даже в 1920 году Ёсивара все еще оставалась Ёсивара, с улицами, фонарями, цветущими деревьями точно такими же, как они изображены в старых манускриптах, на гравюрах XVIII и XIX веков и в нетвердом англоязычном описании путеводителей XX века.

«Новый японец»

В эпоху Эмпо (1673–1680) жил миллионер по имени **Кинокуния Бундзаэмон** (или Мондзаэмон), делавший состояния из всего, к чему он прикасался — от соленых огурцов до пиломатериалов. Полный энергии, грубый, оживленный, яркий — мы можем наблюдать такой типаж ежедневно. Он подряжался и исполнял правительственные контракты, вероятно, в большинстве случаев с помощью взяток. Он создавал компании и организации подобно современному мастеру холдингов, фьючерсов и биржевых операций. Он строил храмы и гробницы; покупал и продавал; раздавая комиссионные грызущимся хорякам и куницам в официальных присутствиях.

Он развлекал чиновников сёгуна женщинами, вином, песнями и небольшими (а иногда и большими) подарками наличностью. Для чиновников он нанимал лодки удовольствий на реке Сумида. Бундзаэмон использовал проституток, гейш, музыкантов и танцоров-комиков для развлечения своих гостей, нагрузив на свою флотилию «лодок наслаждения» горы бочек с сакэ, еду и заряды для фейерверка. Попировав и развлекшись, все мужчины, надвинув на лицо тростниковые шляпы, двигались к Великим Вратам Ёсивара.

В Ёсивара Бундзаэмон был не просто посетителем, но — владыкой, Большим Папой с деньгой, великим трательщиком всех времен. Как это случается с большинством богачей, Бундзаэмон страстно желал показать себя.

Перемещаясь с толпой прихлебателей, он нанимал развлекающих; однажды он спросил о стоимости найма всего места — девушек, чайных домиков, публичных домов и прочего, чтобы Великие Врата были закрыты и никого из посторонних не допускали.

После непродолжительного чесания в затылке, добавлений и поклонов цена одной ночи, предоставляемой в полное распоряжение Бундзаэмона и его частной компании, была установлена — 23 000 иен.

Великие Врата закрылись, бутылки с сакэ были откупорены; проститутки высокого и низкого ранга, гейши, слуги — все пришли в дикий восторг. То был кутеж, который все еще вспоминают некоторые историки, считающие, что раньше жилось получше, а мужчины были мужчинами — в те давние дни!

В 1698 году Бундзаэмон строил храмы в Уэно; деньги появлялись так же легко, как рисовые пирожки. И вновь для развлечения чиновников был организован проезд по реке с певцами,

комиками, поэтами и актерами, добавленными к девочкам. Фейерверки зажигали небо. Когда вся компания ввалилась в какой-то храм, один бедный крестьянин попросил поэта составить молитву о дожде, и Бундзаэмон сказал: «Почему бы и нет?»

В результате пошел настоящий дождь. Да, ради богатых боги вынимают затычки из ушей,— сказал крестьянин. Чтобы отпраздновать это чудо оставалось только вновь купить Ёсивара на всю ночь. Он пригласил своих критиков, троих самых богатых людей в Ёсивара, но прежде скупил там все: каждую куртизанку и гейшу, еду, сакэ и музыку. Это было дикое время, когда Ёсивара превратилась в площадку самых крупных состязаний. Три богача прибыли и заказали еду, **о-сяку** (танцовщиц) и куртизанок. Слуги кланялись: «Чрезвычайно сожалеем, но нет ни крошки еды, ни глотка теплого вина и ни одной — самой дешевой — проститутки. Достопочтенный Бундзаэмон купил здесь все. **Гомэн-насай** (просим прощения)».

Трое богачей достали деньги, но появившийся Бундзаэмон рассмеялся им в лицо, и они в ярости пошли прочь. Однако их ждало еще большее унижение. Бундзаэмон нанял все лодки и носилки, так что им пришлось покидать Ёсивара голодными, трезвыми, без женщин — и пешком.

Для нас Бундзаэмон — современный человек, однако он совершенно неуместен в Японии с ее мечами, утонченными манерами, **бимбо кугэ**, ритуалом и страхом потерять лицо или утратить достоинство. Бундзаэмон современен своей вульгарностью, силой денежного мешка.

«Веселые дома» и прочие чайные домики

В соответствии с японской манерой на все вешать бирки и раскладывать в заданном порядке, публичные дома тоже получили свою классификацию. Цены на услуги соизмерялись с красотой, славой и умением женщин: **омаагаки** (первый ранг), **хаммагаки** (второй ранг), **дайтё комисэ** (третий ранг) и так далее вплоть до пятого. У самых низших не было ни утонченности, ни времени для долгих любовных игр.

Ёсивара. Фотография 1910 г..

В заведениях передняя часть представляла собой клетку, или решетку, за которой выставлялись женщины. Некоторые из самых знаменитых художников-гравиров запечатлели эти уличные сценки. Большие дома с решетками были самыми дорогими местами, а в самых дешевых домах решетки располагались горизонтально, а не вертикально, так что мужчина, сколь бы ни был его разум затуманен сакэ, никогда не ошибался относительно искомой стоимости и класса женщины.

Зачем так много чайных домиков? **Мидзу-дзяя**, «водяные чайные дома», действительно, занимались лишь торговлей чаем; **хикитэ-дзяя** были «знакомыми» чайными домами. Для японцев это было способ сохранить лицо, достоинство мужчины, пустившегося во все тяжкие. У **хикитэ-дзяя** были проводники в дома куртизанок (известные как **иро-дзяя**, или «любовные» чайные дома). Никакой дрожи, никаких сомнительных само-представлений, но подготовленное знакомство, формальное и вежливое, между женщинами и гостями домов-путеводителей. Служанки кланялись и простирались, принимая гостей в чайных домах, помогая им располагаться поудобнее. Эти служанки — сегодня мы назвали бы их «хостессами» — обладали отменным умением ублажать гостей и потакать им, вне зависимости от эксцентричности и капризов.

Все выбегали встречать гостя, крича: *Ирассэй!* («Добро пожаловать!»).

Подобная «встреча» описана в путеводителе Фудзимото, где говорится о временах Реставрации Мэйдзи, уже после того, как прибыл коммодор Пэрри, и европейское влияние стало заметным.

Хозяйка и служанки дома очень тепло встречают вас и провожают в комнату наверху.

Новые зеленые циновки на полу, прекрасные цветы, заполняющие большую вазу в нише, ценная старая картина, свисающая со стены в той же нише, — все в комнате располагает вас к удобству. Служанка со смущенным лицом поднимается к вам с чайным набором, наливает вам чашку и кладет сладости, а затем спрашивает — не подать ли **сакэ** и прочие блюда. После того, как вы распорядитесь на этот счет, то добавляете, что хотели бы нанять **гейш** (поющих и танцующих девушек) и **тайко-моти** (букв. «человека с барабаном», весельчака-балагура), после чего служанка спешит вниз по ступеням, чтобы исполнить ваше приказание. Из другой комнаты дома слышатся звуки сямисэна; гости поют какие-то известные песни, а молодые девушки, похоже, танцуют.

Через небольшое время хозяйка и две служанки, все в изящных одеждах, поднимаются к вам и приносят полный набор утвари для сакэ. На столе устанавливаются несколько блюд.

Автор не описывает блюда, однако о том, что подавалось, мы узнаем из других источников. Много сакэ, скажем — **токкури** (бочонок, вмещающий более 30 л), и большое количество **хамагури-мэси** (хорошей еды: моллюсков с рисом) настраивало гостей на амурный лад; разумеется, это также увеличивало счет. Раннее меню кухни в Ёсивара описывает следующие специальные блюда, доступные тем гостям, которые желали действительно кутнуть: корень лопуха, зажаренный в масле гома; морские водоросли Арамэ; бобы, ферментированные в масле; порубленная свежая рыба с сакэ по сезону; грибы; побеги папоротника; вареные чесночные корни; корни лотоса; кальмары; рагу из моллюсков; раковины; сушеный бонит; вареные рисовые колобки; маринованные овощи и прочие деликатесы.

Особыми блюдами проходили жаренная в кляре рыба (**тэмпура**) и жаркое из угря (**кабаяки**).

Автор путеводителя продолжает:

Вскоре в комнате появляются певица, две танцовщицы и **тайко-моти**. Сперва вы наливаете по чашечке каждому из них, и после нескольких обменов чашечками певица берет свой сямисэн. Она играет, балагур поет, а две молодые танцовщицы ожидают рядом с вами. Если вы знаете какие-либо песни, то можете петь; затем танцовщицы начинают танцевать, а ваш весельчак, наконец, исполняет комические танцы, путаясь между двумя молодыми девушками.

Уже около 12 ночи; входит хозяйка и предупреждает о позднем часе. Затем вы, направляемый служанкой и сопровождаемый тремя девушками и тайко-моти, оставляете дом и направляетесь к основной цели вашего визита. Дом, в который вас приводят, — первого разряда, называющийся **Кадоэби-ро**. Он расположен на первом углу улицы Кё-мати; это

четырёхэтажное строение европейского вида, в котором, как говорят, более ста комнат. Там проживают более тридцати девушек, все молодые и красивые. К каждой из них прикреплены две помощницы и одна пожилая служанка, прислуживающие своей госпоже днем и ночью.

Войдя в дом, вы сперва попадаете в гостиную; она очень велика и роскошно декорирована. Вы присаживаетесь на большой креповый **футон** (подушку), а ваши спутники — певицы и тайко-моти — занимают места за вами. Поскольку девушка, которая в эту ночь станет вашей спутницей, заранее вами назначена, или уже выбрана хозяйкой дома приглашений, сюда приходят две ее служанки, чтобы проводить вас в ее комнату.

EISEN Tomioka (1864-1905) - Poetic Intercourse

Обиталище вашей подруги состоит из трех комнат на втором этаже; первая — гостиная, вторая — комната приемов и третья — спальня. Ведомый двумя служанками, вы входите во вторую комнату, куда вам приносят чай и сладости. Певица, танцовщицы и балагур, провожавшие вас до комнаты, теперь уходят; однако, если вы пожелаете выпить еще сакэ, или чтобы они остались, они сделают это с удовольствием. Если вы — новый гость для девушки, она не появится до тех пор, пока вы не проследуете в спальню, — это общее правило для всех первоклассных домов; однако, в том случае, если вы хотите увидеть ее и поговорить с ней в приемной, выпить с ней вместе сакэ, то [позднее] должны будете доплатить 5 иен, именуемых **надзимикин** («интимными деньгами». <...> Она обязана выйти к вам, так как теперь с вами следует обращаться, как с близким посетителем, несмотря на то, что вы этой ночью встречаете ее впервые. В час ночи гейша и тайко-моти оставляют комнату, и вы идете в постель. Покинете ли вы дом в 2, или в 3 часа, или останетесь до утра — полностью зависит от вашего расположения. <...>

Поскольку сдержанный автор не слишком распространялся относительно комнат, заполним образовавшиеся лакуны. Большая комната, в которой куртизанка ожидала гостя, называлась

дзасики и была покрыта восемью циновками. В ней располагалась ниша (**токонома**) для ритуальных приношений и маленьких украшений, свитков и каллиграфических надписей, обычно — стихов, записанных китайскими иероглифами. Вот два типичных стихотворения:

Я ощущаю пустоту,
Скапливающуюся в горах.
Цветы — глаза мира —
Все ушли прочь...

Как я ни пытаюсь скрыть,
Любовь проявляется на моем лице
Столь отчетливо, что он спрашивает:
«О чем ты думаешь?»

Также там были полочки с цветами в керамических вазах из Кутани и с музыкальными инструментами: **кото**, **сямисэн**, **гэккин**, **ни-гэнкин**; иногда — небольшие фигурки животных, зеркало, книги или театральные афишки.

Была полка для одежды посетителя и складная ширма. Во внутренней комнате были полки для постельных принадлежностей, ящики для одежд девушки и часто **хибати** с тлеющими углями, металлический чайник, **ётяки** (чайный набор), тарелки и миски, а также то, что на Западе служит ночной вазой, а здесь представляло собой лакированный цилиндр с ручками, похожими на уши.

После приветствий пара удалялась в меньшую внутреннюю комнату, **цуги-но ма** (застеленную всего четырьмя циновками).

Куртизанка сама платила за декорирование комнаты и поддержание ее в порядке, а также за уборку. Гость-почитатель, скажем — **бакути-ути** (профессиональный игрок), часто давал деньги на перепланировку места, в котором он провел так много счастливых ночей; если не для любви, то хоть ради удачи.

Об уровне куртизанки судили по пышности убранства комнаты; поскольку цены были высокими, она часто была в долгу у ссуживающего средства содержателя «веселого дома». В такое время пылкий почитатель с деньгами всегда находил теплый прием. **Футон** или спальный матрац представлял собой прекрасный показатель статуса куртизанки. Красный креп с черными вельветовыми ободками демонстрировал высший класс. **Три футона**, один на другом, являлись нормой перворазрядного дома. **Два футона** были явно для второго класса, а низкопробное хлопчатобумажное изделие подходило только для **бэндзё** (сортира).

Все это закрывалось покрывалом и, в определенное время года, сеткой от moskitov. Одна из самых очаровательных гравюр Утамаро изображает пару, забравшуюся под такую сетку с книгой стихов и напольным фонарем. Давным-давно один поэт писал о приглушенных тонах подобных сцен:

Желтые хризантемы
И белые,—
Все остальные цвета не имеют значения...

Поговорим позже об умениях куртизанки, ее чувственных искусствах и ее жизни. Сейчас же оставим ее, опустившую голову на ночную подушку рядом со своим любовником: всегда начеку, грациозная, податливая, раскрашенная, в парике, какого никогда не бывает дома ни на одной жене.

Именовались обитательницы «веселых домов» по-разному: **дзёро** («девки»), **юдзё** («веселые женщины»), **кэйсэй** («разбивающие стены?»). Для определения типа проститутки,

проживавшей в доме, часто использовались цвета. Бледно-коричневые занавески были признаком высококлассной **таю**. Синие предназначались для более низких **мисэ-дзёро**, блуд с которыми (**цуцумотасэ**) был дешевым и поспешным. Служанки, кричавшие извне чайных домиков: **Одзяра!** («Заходи!») обычно являлись совсем дешевыми проститутками. В таких заведениях низкого класса девушки обычно трудились и жили все вместе в одной большой комнате. Когда они развлекали гостей, то разгораживали комнату ширмами.

Существовала также **любовь на воде** в чайных домиках на лодках (**фунэ-ядо**), где лодки можно было нанять и взять на них гейш и проституток на время поездки по реке; медленно дрейфовать, есть, выпивать, любить, слушать музыку и смотреть на фейерверки, рассыпающиеся по чернильному небу праздничных ночей. На многих прекрасных оттисках с гравировальных досок изображены эти вечеринки на реке: собрания плейбоев, торговцев, развлекающих покупателей, куртизанок в своих поразительно красивых одеждах, гейш со своими сямисэнами, фонарей, развешанных на сотнях лодок, а также малиновые, обжигающе-желтые, злобно-красные огни фейерверков и ракет, пачками взлетающих над луноподобно изогнувшимися мостами.

В XIX веке первые западные посетители Ёсивара нашли трудным сидение на циновках **татами** со скрещенными ногами, «по-японски». Когда чайные домики и бордели Ёсивара изредка обращались к западной мебели, то покупали стулья и обычно отрезали у них ножки. «Веселые женщины» не любили западные кровати, поднятые над полом, с мягкими матрацами и подушками. Западные кровати, однако, некоторое время были в моде. Забавно, что в **публичных домах особенно гордились европейскими ночными вазами**, должным образом помещенными под каждой кроватью, как это описывалось в западных путеводителях.

На протяжении короткого периода, когда американцы открыли Японию миру, император пришел к власти, а сёгунат сошел со сцены (известного под названием Реставрации Мэйдзи), дома в Ёсивара строились выше двух этажей, как было установлено ранее, а их дизайн определялся в европейском стиле.

Заведение Ямада-ро даже одело своих куртизанок в **иноземные костюмы**: кружева, меховые боа, длинные юбки, розовые подвязки и прочие «фру-фру». Некоторым другим домам пришлось следовать этому примеру, иначе они предстали бы отставшими от моды. То было сумасшедшее время перемен и всеобщего смешения.

Были импортированы даже европейские блюда и тарелки, к которым, правда, не прилагалось ножей и вилок. Эти странные предметы представлялись опасным оружием, поэтому посетителям приходилось есть деревянными палочками с жалких копий произведений Веджвуда и Споуда.

Дом Ямада-ро, всегда шедший в ногу со временем, привез трех проституток из Лучжуаня, и шли даже разговоры о лондонских шлюхах и французских девочках, однако все так и осталось на уровне слухов. Даже лучжуанькисо временем перестали возбуждать местных клиентов. Европейские платья засунули в ящики, высокие кровати продали, и все вернулось к традиционному стилю на привычных футах.

Стоимость удовольствия

Лорд Честерфилд, широко известный ловелас своего времени, высказался о сексуальном акте в том смысле, что момент удовольствия быстро преходящ, поза нелепа, а расходы чертовски высоки. Мало кто пытался разобраться в стоимости услуг в Ёсивара. Еще меньше людей были способны прикинуть в ценах сегодняшнего дня стоимость услуг великих куртизанок и проституток менее высокого уровня.

KORYUSAI Isoda (1765-1785). *Elegant Pleasures of the twelve months*

Сегодня в США деньги, похоже, печатают на снежинках, однако, держа в уме изменение курса доллара, мы можем приблизительно представить себе цену денег в Японии. Один серебряный *кэмэ* составлял около 75 000 иен, или \$ 760. Один золотой *рё* был равен около 45 000 сегодняшним иенам, или около \$ 470; *итибу-кобэн* и медный *коммэн* оба составляли около 12 000 иен, или \$ 110; один серебряный *моммэ* — 216 иены, или \$ 2. Один медный *монсэн* был приблизительно равен трем центам.

Стоимость услуг куртизанки зависела от ее класса. Высшими были *таю* (или *ойран*), гранд-дамы, исполненные гордости царицы Ёсивара. Далее следовали *коси*, за ними — девушки ранга *цубонэ*. Существовал также разряд полупрофессионалок, *сантя*, куда попадали из банных прислужниц и обычных уличных девок.

Куртизанки класса *таю* стоили на один раз 58 *моммэ* с дополнительными 18 *моммэ* для ее прислуги, или около \$ 180. Представительницы самого низшего ранга обходились где-то в \$ 1.5; таким образом, для охотников на женщин открывалась широкая перспектива цен.

Однако всегда существовали **дополнительные расходы**: особые цены и услуги, добавляемые к плате за благорасположенность великой куртизанки. Еда, сакэ, развлечения, чаевые в десятки протянутых рук. В среднем посетитель мог потратить около 150 *моммэ* за вечер, или около \$ 350. Это — средняя цена развлечений с высококлассной девушкой по вызову в Нью-Йорке, Лос Анжелесе или Москве, однако никакая американка или европейка не обладает умением, очарованием, сообразительностью, костюмами и манерами обхождения *таю* высшего ранга. У них нет той славы и почтения, если только они не становятся персонами из официальной сферы развлечений.

В старой Японии (и даже сегодня) социальная позиция мужчины нередко отчасти определялась типом женщины, которую он содержит. Писатель Ихара Сайкаку предполагал, что для стильного содержания куртизанки высокого класса мужчине требуется платить в год около 29 серебряных *кэмэ*, или \$ 66 000. Был один плейбой, который за пять лет безумных трат в Изменчивом Море лишился состояния в полтора миллиона.

Система чайных домов имела свои **теневые стороны**. Временами они становились местами интриг, недозволенных романов, местом действий мужчин и женщин с «низменной моралью» (что означало вытеснение какого-либо труженика постельных дел из его ниши в сфере *нидзими* — бизнеса).

В Ёсивара доход поступал из любого источника: весомые проценты чаевых к счету, стоимость еды, гейш, высочайшая наценка на сакэ. Посетители давали *тядай* (чаевые) за малейшую услугу. По особым праздникам обслуживающий персонал ожидал подарков или денег (подобно современным консьержкам, почтальонам и служителям парковок).

Существовали также низкосортные заведения — *бори-дзя*, — где деревенский житель мог напороться на угрозы, шантаж, жестокость и грабеж. Девки завлекали жертву внутрь сладкими обещаниями. Там ему начинали льстить; появлялись сакэ и еда (незаказанные),

приходило много гейш (неприглашенных), которые принимались петь и танцевать. Чашки осушались, бутылки с *сакэ* наполнялись вновь.

Несчастная жертва не могла даже заплатить по счету и убежать. Никто не брал у него денег, но и не позволял уйти. А *сакэ* все прибывало и прибывало. День и ночь могли пройти в оргии, покуда несчастный, наконец, не проваливался в сон. После этого его карманы исследовались и, если он обладал достаточной суммой, танцы продолжались; в противном случае его, обобранного, выталкивали на улицу.

Если возможности гостя оказывались переоценены, к нему в дом отсылали крикливую бабу (*цуки-ума*), которая проживала с жертвой до тех пор, пока тот не расплатится; либо же деньги выбивали силой.

Множество посетителей Ёсивара приходили просто поглазеть: туристам и даже женщинам позволялось осматривать место. В билетных чайных домиках (*киттэ-дзя*) выдавались пропуска. Были просто любопытные, не имевшие денег; они приходили поглазеть и пообсуждать женщин за решетками. Поскольку многие из них являлись бедными студентами юридического отделения (*хорицу*), зеваки в целом так и назывались — *хорицу*. Зачастую такой студент шантажировал хозяина борделя на предмет бесплатного визита, указывая ему не какое-либо отступление от принятых правил или на нарушение закона.

В первоклассных домах обычно разговоров о деньгах не шло; даже наутро об этом не произносилось ни слова; и слуга провожал гостя в представивший его чайный домик. Здесь он получал тяжелый удар: ему подносили счет, включавший все. Чайный домик получал деньги, хозяйка кланялась, получала свои чаевые, и за все уплачивалось: за гейш, еду, выпивку, ночь любви, — за все в одном заключительном счете. Истощенный гость, мучимый похмельем, не был в состоянии оценить замысловатый счет, поднесенный ему со многими поклонами.

Существовала и кредитная система: хорошо известный, много тратящий гость мог приходить в долг на протяжении нескольких месяцев. Если он пытался скрыться, не заплатив, переведя свое внимание на другой чайный домик, система тайного оповещения вскоре раскрывала это, и кредитная линия для него в чайных и публичных домах закрывалась навсегда.

EISEN Tomioka (1864-1905) - Poetic Intercourse

Страсть, говорили содержатели борделей, не яйцо, ее не удержишь.

Вот, что пишет Фудзимото о более дешевых борделях:

Если вы зашли в дома второго или третьего ранга, то процедура там совершенно иная и очень проста. Тем не менее, что очень важно для посетителей низкосортных домов: следует всегда быть крайне внимательным, иначе ваш кошелек немедленно окажется выжат слугами и служанками того места. Как они, так и девушки в таких заведениях не могут быть названы честными и добрыми, и если видят, что гость — провинциал, или незнаком с этим кварталом, то их уловки для его соблазнения бывают настолько замысловатыми, что он, по крайней мере, будет вынужден потратить все наличные деньги.

Распутник, привычно посещающий этот квартал еженочно, приходит в знакомый дом, а на следующее утро у него в кармане ни гроша. Если девушка любит его, то может ссудить деньгами; если же нет, то отказывается платить по его счету.

В низкосортных домах, где проститутки эксплуатировали особенно жестоко, часто случались крупные драки, гости обвиняли девушек в воровстве, плохих манерах или недостаточном усердии. Тогда являлась охрана дома или вышибалы Ёсивара и наводили порядок. Существует знаменитая гравюра Утамаро с изображением такой пьяной потасовки.

Экономика района Ёсивара часто пребывала в плачевном состоянии. Никаких отдельных налогов не уплачивалось с *сюги* (чаевых) или *гёкудай* (гонораров). Однако, время от времени какому-нибудь политику (точно так же, как сегодня) приходила в голову мысль обложить налогами всяческие виды доходов для оплаты расходов на управление Ёсивара. Ведь поначалу введение всех налогов объясняется так убедительно...

Когда мораль гейш при ведении дел опускалась слишком низко, делался намек на то, что обложение налогом исправит их, или, как говорили, «сделает более ответственными».

Реклама стала распространяться в Японии в середине XIX века, и работники Ёсивара выпускали плакаты, листовки, в которых описывались чары и грациозность куртизанок, а также удобства их жилищ. Вот частичный перевод объявления от 1848 года о снижении цен, подписанное неким Мандзи-я Мокити:

Если женщина окажется неудовлетворительной, она будет заменена на другую. <...> Из-за вашего благосклонного покровительства и благодеяний, за которые я крайне признателен, для меня открылась возможность продолжать дело содержателя дома на протяжении многих лет, однако я с сожалением замечаю признаки того, что процветанию Ёсивара наступает конец. Поэтому я предпринял различные попытки продолжать свое дело и решил в дальнейшем не принимать никаких гостей, посланных из чайных домов, но проводить все на основании дешевых цен, приведенных ниже, по принципу «наличные на месте». <...>

Я предлагаю обращать особое внимание на качество *сакэ*, пищи и постелей. Буду крайне признателен, если вы благосклонно сообщите своим друзьям о введенных мною улучшениях; низжайше прошу нанести мне визит — в дневное или ночное время, приходя непосредственно в мое заведение, без какого бы то ни было обговаривания в чайных домах.

Мы подаем *сакэ* разлива Масамунэ; наша кухня ничем не отличается по качеству от того, что подают в лучших ресторанах. Чаевые и вознаграждения «друзьям девушки» могут даваться в соответствии со степенью благодарности гостей.

Другой рекламодатель, некий Дайку-я Бунсиро, признает, что также вышел на широкий рынок:

У нас исполняется новый тип танца, выполняемый *юдзё* под аккомпанемент популярных песен. Этот танец чем-то напоминает то, что исполнялось в древности *сира-бёси* (певицами), и я уверен, что он станет источником удовольствия для наших почитаемых гостей. Прибывающим в наше заведение либо через посредство чайных домов, либо

напрямую, будет оказано всевозможное внимание... Относительно расходов, целью моего дома является снизить цены сколько возможно и сделать их соответствующими уровню развлечения гостей.

Как в самой Ёсивара, так и вне ее были популярны бани, хотя лишь в этом квартале сексуальный момент доминировал над удовольствием от горячего пара. Банные привычки японцев были переполнены традиционными моментами. Японский путеводитель конца XIX в. описывает ночную жизнь начала столетия, проводя читателя по знаменитым токийским кварталам гейш Симбаси, недалеко от театрального района, и Ёсивара:

... Самым популярным развлечением низших классов являются азартные игры, и почти все они, загнанные под крышу дождем, собираются в большой комнате. Результатом игры часто бывают шумные ссоры или жестокие драки. В темном углу маленькой отдельной комнаты плачет девушка, которую похитил какой-то мерзкий рикша. Нередки ссоры между работниками и их неверными женами; часто бывают кровавые стычки. За выпивкой *сакэ* следует драка, в которой наносятся тяжелые раны.

Если дождь продолжается четыре или пять дней, у них оказывается нечем платить за комнату и за еду. Некоторые вынуждены занимать денег у соседа, отдавая ему в залог жену на три-четыре ночи, и, если в должное время он не в состоянии вернуть долг, женщина становится наложницей кредитора, ссудившего всего 2–3 иены.

Самые несчастные — это жены работников, брошенные своими мужьями. Из-за продолжающегося дождя ни он, ни она не могут найти себе никакой работы, и поэтому они не в состоянии платить за комнату, а хозяин или приказчик безжалостно требует ее. После ссоры, муж, наконец, уходит искать деньги, но уже никогда не возвращается на постоянный двор. Если покинутая жена не очень стара, хозяин пользуется возможностью и убеждает ее стать проституткой в парке Асакуса, в Ёсивара или Сусаки. Таким образом хозяин не только сполна получает плату за проживание, но и определенные комиссионные.

В провинции чайные дома и бани иногда сами по себе становились небольшой Ёсивара. Клемент Скотт, викторианский путешественник, автор книги «Грязные голуби», которую мы еще будем цитировать ниже, говоря об «аморальности» японцев, не особо скрывает свой опыт общения с японскими женщинами. В письме домой он довольно откровенно описывает, как попал в гнездо проституток и «служанок таверны на обочине», которые также были доступны для гостей.

Первое искушение возникло в Мияносита. У ворот чайного домика напротив горной гостиницы стояли забавные, но неизбежно маленькие японские девушки, весело кланяясь и хихикая, со своими маленькими толстыми пальчиками, засунутыми в складки широкого кимоно, зазывая «почтенного» джентльмена зайти отдохнуть, посмеяться и пошутить с ними и выпить всего одну чашечку их «почтенного» чая. Чай в современных японских чайных домиках в эти дни цивилизации означает, боюсь, виски с водой или без, а японские комнаты, застеленные циновками, превратились в нечто, подозрительно напоминающее салуны или бары. Романтика японского чайного домика — совершеннейший миф. Они могут быть окружены цветущими сливами, однако служанки с оливковыми глазами заняты там соблазнением гостей к выпивке и к любовным играм.

Гейши и куртизанки

По самым различным причинам **наиболее романтизированными женщинами в Японии были гейши**. Их тренировали для развлечения мужчин, а не в качестве проституток; они умели аранжировать цветы, отправлять чайную церемонию, играть на традиционных инструментах, петь и танцевать. Они могли рассказывать забавные истории, щекотать жирные складки на лицах смущавшихся гостей, кланяться гордым, хихикать над непристойностями, помогать с помощью палочек гостю, который был слишком пьян, или настроен на то, чтобы его покормили.

Гейши были не для всех; нанять их стоило немало денег. Обычно хозяин оставлял для вечеринки нескольких гейш, однако необходимо было иметь официальное представление дому. Человек с улицы не мог зайти и потребовать обслужить его лучшей гейшей. Быть допущенным, распоряжаться — каких и сколько гейш кто-то хочет заказать, представлялось отличительным знаком. А сколько там было *майко* — молоденьких учениц гейш, танцевавших столь очаровательно под сямисэн, этих Лолит с детскими личиками!

Гости, оставив обувь у дверей, проводились служанками в главную комнату, застеленную циновками; все садились на пол, слушали, глазели на девушек в их многослойных накидках или *кимоно*. Подавалось *сакэ* — разумеется, теплое — и гости начинали напиваться и делать непристойно-эротические жесты. Гейши рассказывали о самых последних скандалах, передавали слухи или сообщали о недавних забавных происшествиях. Снаружи приносили еду, и гости готовились к веселому вечеру. Девушки придвигались ближе, касаясь гостей коленями, и помещение заполняли пары горячего *сакэ*. Когда гости приходили в возбужденное состояние, посылали за книжками с рисованными портретами куртизанок Ёсивара; гости выбирали и решали, просили привести кого-то, либо с большим шумом, гамом и смехом перемещались в дом, где ждали проститутки.

Это не означало, что гейши были высокоморальны или ритуальными девственницами; у них тоже были любовники; они также развлекали богатых посетителей своими телами. Но это происходило не в чайных домиках. Там они работали, а на работе их функциями были улыбки и поклоны.

Тренировка начиналась в пять или шесть лет, а в десять-двенадцать — собственно их обучение. Современная гейша обычно является дочерью гейши. Однако в наши дни эта сфера постепенно исчезает, и под мертвенно-бледным слоем макияжа скрывается в большинстве случаев гейша средних лет с полноватой талией. Это — быстро исчезающие осколки древнего искусства.

В стародавние классические дни то были молодые прекрасные создания, которых обессмертили тысячи шедевров-гравюр, оттиснутых с досок. Мы все еще видим их, стоящих под цветущими вишнями, играющих с собачками, обнимающих друг друга на мостах, со своими безупречными прическами, все в шпильках, лентах и цветах. Они существуют, заключенные в редкие одежды, хорошо подогнанные по их фигурам, балансирующие на *гэта* (деревянная обувь с двумя поперечными дощечками снизу), вечно движущиеся в медленных танцах с утонченной грацией.

Танцоры и танцовщицы, появлявшиеся на вечеринках, часто смешивались с «веселыми женщинами», но хорошо знали свое место — артистов. Даже сами японцы зачастую с трудом решают, какая гейша не являлась проституткой: различие всегда было традиционным, если не реальным. Профессия деградировала в сторону проституции до такой степени, что в 1872 г. был принят закон, по которому лишь «истинная артистка» имела право именоваться гейшей.

Во время войны гейш привлекали для «осчастливливания» офицеров, и с ними обращались всего лишь как с сексуальными партнерами, а вовсе не как с актрисами. Свободные гейши — даже те, кто принадлежал сам себе — переживали трудное время, несмотря на существование организации, чем-то походившей на профессиональный союз. Обычно же гейша вся пребывала в долгах, будучи обременена необходимостью покупать множество экзотических костюмов, содержать слуг и жить яркой жизнью, в которой денег не считали.

Обычно она имела богатого любовника или патрона, содержавшего ее, и которому она в теории была верна. Однако, воспламененная порнографическими повестями и эротическими пьесами, будучи сентиментальной, как любая девушка-танцовщица, гейша временами имела любовника на стороне, несмотря на внимание, оказывавшееся ей богачом. Тем не менее, **занятия гейши никогда не сводились к проституции**. Она могла выбирать — с кем лечь на циновки, а не принимать (как это было с большинством разрядов куртизанок) то, что дают.

Koryusai. Hinagata Wakana no Hatsumoyo, 1780-81, woodblock print.

Мечтой гейши — если она никому не принадлежала и не работала в каком-то доме по контракту — было: **займать собственную харчевню или чайный домик, где у нее были бы собственные гейши, а она предоставляла бы гостям проститутток**. Собирать женщин ради плотских удовольствий мужчин было образом жизни, ценность которого мало кто ставил под сомнение.

После Первой Мировой войны в Японии на английском языке появился буклет о гейшах, написанный журналистом Акияма Айсабуро.

Перелистывая записи событий древности, мы можем проследить косвенное происхождение гейш от женщин, которые вели божественное существование в период Нара (710–794), перемещавшихся между прибрежными городами с целью даровать приятные часы провинциальным аристократам и путешествовавшим по государственным делам. Находясь далеко от столицы, в местах с весьма ограниченным комфортом, эти чиновники чувствовали себя одинокими и печальными, а потому находили большое утешение в этих женщинах, явно имевших небольшое знание поэзии, а также обученных пению и танцу...

Исходно и мужчины, и женщины, профессионально существовавшие на подобные легкие доходы, назывались гейшами, только мужчин определяли, как **отоко-гэйся**, а женщин — как **онна-гэйся**. Понемногу приставка «онна» отпала, и женщин стали называть просто гэйся; название же отоко-гэйся исчезло вовсе и вместо него появилось слово **хокан**, «жиголо».

Нечего и говорить, что почти все гейши прекрасно осведомлены в том, что именуется мужской психологией, поэтому они чрезвычайно искусны в ублажении мужчин с различными характерами, мыслями и темпераментами, вне зависимости от их возраста и социального положения. Вполне можно сказать, что зрелая гейша могла бы работать квалифицированным преподавателем социологии, — разумеется, для мужской аудитории.

Рассмотренная в этом ракурсе, гейша была практически принуждаема совершать **духовное самоубийство**, предавая себя океану отчаяния и постепенно превращаясь в лодку без руля, бесцельно дрейфующую по океану существования. Если в первой половине жизни их не

брали в законные жены, то жизнь им приходилось оканчивать непривлекательными старыми «мисс».

SHUNCHO Katsukawa (1780-1800) -
From Thirty-Six Encounters of Love-
Making

Гейши чрезвычайно суеверны и странно религиозны; они верят во всевозможных богов и будд, в честь которых устанавливают небольшие алтари в своих домах. Несмотря на любовь поспать, они иногда и летом, и зимой подымаются очень рано, чтобы посетить свои излюбленные храмы, <...> причем не по чисто религиозным мотивам, но лишь из стремления заручиться божественной поддержкой и обрести важного покровителя, чьи карманы полны золота. <...>

В XX веке культурный институт гейш стал приходить в быстрый упадок. То, что еще осталось, — это в основном шоу-бизнес, как например Симбаси Эмбудзё, театр гейш в Токио, где их спектакль «Адзума-одори» привлекает тысячи зрителей — в основном туристов. Однако, это — танцы, пение и драматургия, а вовсе не старая культура частных вечеринок, эротических рассказов, щипков и легких объятий гостей-мужчин. В Японии это шоу весьма точно названо «девичьей оперой».

Эротические таланты

Целоваться вполне естественно для ищущих друг друга, стремящихся друг к другу возлюбленных. Однако, как бы они ни пришли в Ёсивара — привезенные моряками и прочими посетителями, либо в виде тайной традиции — поцелуи и объятия там предназначались для продажи.

В японском издании «Кама-сутры» перечислены различные виды поцелуев:

Поцелуй незначительный — когда девушка лишь касается рта возлюбленного своим ртом, но сама не делает ничего.

Поцелуй трепещущий — когда девушка, оставив на время свою застенчивость, желает коснуться губы, вошедшей к ней в рот, и для этого двигает своей нижней, но не верхней, губой.

Касающийся поцелуй — когда девушка касается губы возлюбленного языком и, закрыв глаза, кладет свои руки на его.

Прямой поцелуй — когда губы возлюбленных прямо соединяются. Изогнутый поцелуй — когда головы возлюбленных склоняются друг к другу с небольшого расстояния.

В других текстах сфера поцелуев распространяется на заднюю часть шеи, место перехода шеи в плечо, уши — края и внутри, плечо, предплечье — внешнее и внутреннее, локтевой сгиб, плечевую мышцу, ладони, талию, поясницу, бедра, под коленями, пятки, ягодицы, живот.

«Любая часть тела может быть поцелована, исследована языком, ущипнута, укушена».

Наши лучшие путеводители по экзотическим умениям куртизанок — это сохранившиеся гравюры, на которых с откровением и даже проказливым юмором изображены способы совокупления в Ёсивара. Для наших понятий о морали это — похабные и часто нелепые картинки: позы, позиции, группы из двух или более проституток с полураздетыми гостями. Нам остаются непонятными странно спокойные взгляды всех действующих лиц этих эротических пьес: без выражения, напоминающие маски, с карикатуризированными гениталиями. Они являются нам фигурами из мира, который нам никогда полностью не понять.

Давайте последуем за гостем, входящим в дом великой куртизанки из Ёсивара, как это представлено в описании Окада Сёги в манускрипте, датированном примерно 1794 годом.

После поклонов и приветствий, церемониального глотка, посетитель снимает верхнюю одежду, часто с помощью служанок, которые затем удаляются. Обычно он не был нагим, но в легкой накидке, распахнутой спереди. На куртизанке тоже было надето нечто подобное. На эротических гравюрах к ее сложной прическе никогда не прикасаются, она никогда не бывает растрепана. **«Начинается игра рук, прикасания к различным частям, сухим и влажным. Шея девушки — это чудо, возбуждающее желание гостя, доставляющее ему наслаждение».** Безусловно, подбритое и окрашенное основание шеи представляло собой эротическую цель первой сексуальной игры двух партнеров. Приблизительно это можно сравнить с умилением американцев от больших грудей, или любованием британских гедонистов округлыми задницами.

Считались страстными женщины, большие пальцы ног которых загибались назад — **ояюби-соттэ**, — точно так же, как в нашей культуре особо пылкими представляются рыжие женщины. На **сюнга**, эротических гравюрах, именуемых «весенними картинками», мы часто видим такие пальцы.

Хотя на публике, даже на сцене, поцелуи считались неприличными, в приватной обстановке они, а также лизание, укусы, поглаживания и даже сдавливание шеи, ожидалось и приветствовались.

Японцы тщательно фиксировали на картах все эрогенные зоны обоих партнеров, давая примечания о том, как возбуждать их языком, ртом и руками. О шее мы уже говорили. **Японские груди — по нашим стандартам — слишком малы и плоски. Они — «многообещающие цветы тела, на них следует дышать и касаться рукой и языком».**

Специальные тексты на эту тему редки. В манускрипте Окада есть отрывок, где автор пытается дать представление о действительном способе совокупления в Ёсивара. Поскольку многие термины и слова, указывающие на феллатию и куннилингус — жаргонного типа, а сексуальные игры описаны в составных (сложных) словах, не имеющих прямого перевода, мы будем вынуждены использовать западную терминологию при переложении.

В манускрипте старые **гохики**, завсегдатаи Ёсивара, говорят о совокуплении как об «**умаживании птички в гнезде**». Феллатию, или оральная стимуляция мужских гениталий, в терминах местной ботаники именуется «**кручением стебелька**», и в той же манере куннилингус, оральная стимуляция женских гениталий, называется «**поиском зернышка**». Совокупление сзади — «**разрезание дыни**»; взаимная мастурбация — «**смешение росы**»; эрекция — «**дерево плоти**»; лобковые волосы — «**черный мох**»; оргазм — «**лопающийся фрукт**».

В те до-фрейдистские дни у японцев отсутствовало чувство вины; они считали, что **никакой сексуальный акт не является извращенческим**. В XX веке они прочли Фрейда и были поражены следующими словами:

Извращение: мы вынуждены замечать в любом фиксированном отклонении от нормальной сексуальной жизни фрагмент подавленного развития и инфантилизма. <...> Извращения,

таким образом, предстают, с одной стороны, подавлением, а с другой — отрывом от нормального развития.

Соединение гениталий при характерном акте совокупления воспринимается как нормальная сексуальная цель. <...> Однако, даже в большинстве нормальных сексуальных актов просматриваются определенные добавления, развития которых могут привести к изменениям, описываемым как *извращения*. <...> Таковые представляют либо (а) выход за анатомические области, предназначенные для сексуального единения, либо (б) задержка при промежуточных отношениях на сексуальных объектах, которые в нормальных обстоятельствах должны быть быстро пройдены на пути к конкретной сексуальной цели.

Для Ёсивара это было бессмыслицей, даже когда Фрейд входил в детали предварительных игр — того, что в тексте Окада названо «**дрожащим шелком**»:

Сексуальная утилизация слизистой оболочки губ и рта: применение рта в качестве сексуального органа считается извращением, если губы (язык) одного лица приводятся в контакт с гениталиями другого, но не тогда, когда слизистая оболочка губ обоих касается друг друга. В последнем случае мы рассматриваем соединение, как нормальное.

С того момента, как Фрейд, Крафт-Эбинг, Кинси и другие были переведены на японский, у многих интеллектуалов развился комплекс вины. Однако подавляющее большинство населения островов не читало томов по психоанализу или сексуальной неадекватности и поэтому оставалось преданной старым способам сексуального удовлетворения, даже при наличии рок-н-ролла, коктейлей из кока-колы с *сакэ* и «хот-догов». Остается только догадываться, что Фрейд сказал бы о Ёсивара, где практически ничто не считалось слишком эксцентричным.

Помимо всего прочего, Окада приводит описание и иных **предваряющих ласк**:

Обязанность женщины — почтительно, с опущенными глазами, мягко искать центры удовольствия мужчины. Намеками, короткими жестами к различным частям его тела выяснять — что ему приятнее всего, и издавать негромкие восхищенные вскрики. Грациозно и очаровательно происходит касание его гениталий, затем — оральные манипуляции, в соответствии с описаниями в наставлениях о движениях губ и языка, силе и интенсивности нажимов. Если гость в возрасте, такая «шелковая дрожь» не должна продолжаться до излияния его жизненных соков; с молодыми же это наслаждение можно продолжать до полного потока. Пожилого гостя, явившегося с тщательно собранной на эту ночь потенцией, следует гладить, целовать, но не доводить слишком быстро до полного излияния, если только он не желает этого. <...> Умная девушка вместо этого станет воздвигать его ствол, покуда тот не наполнится, не станет твердым и плотным. Затем она спрашивает — каким способом гость желает достичь «лопая фрукта». <...>

KORYUSAI Isoda (1765-1785). *Elegant Pleasures of the twelve months*

Существовали, разумеется, **любовные снадобья, настойки, афродизиак**и, однако до XIX века они составлялись в основном из измельченного в порошок рога носорога, тигриных усов, корня китайского женьшеня и смесей из местных трав, таких как *дзёэн*, добываемой из апельсиновых ростков. Остальное довершало воображение гостя.

Одним из самых любимых блюд гейш, куртизанок и их гостей была *рыба фугу*, «японский иглобрюх». Она не только была дорогой и считалась афродизиаком, но в поедании ее содержался элемент азартной игры. Приготовленная неумелым поваром, она могла легко убить гурмана. Среди японских «экстремалов» она до сих пор остается искомым деликатесом.

Поскольку у некоторых мужчин временами наступала импотенция, в задачи проституток Ёсивара входило растормошить и очаровать медлительного или престарелого, приведя его в состояние должной готовности. **«Никакой гость, пришедший к тебе, не безнадежен».** Сохранились **гравюры старых мастеров**, изображающие такие смешные сценки.

Гейши и проститутки, эти «японские гетеры», обладали умением, превосходившим обычные супружеские привычки жен, хотя и те служили своим мужьям, когда им выпадала такая возможность, с помощью всех сексуальных игр «веселых женщин», если от них этого требовалось.

У жен также был свой текст, обычно с картинками: **«Записки у изголовья»**, который дарился им при замужестве. Однако мужья, способные себе это позволить, предпочитали то, что мы называем «неверностью», удовольствиям на спальном матрасе своей жены. **«Зачем пользоваться кухонной кастрюлей, когда можно наслаждаться прекрасной вазой?»**

Когда гость Ёсивара чувствовал себя подготовленным, начиналось собственно совокупление. Большинство гравюр **сюнга** живописует этот процесс не полностью обнаженных партнеров, но одетых в полураспахнутые накидки. Японские художники лучшего периода — с 1680 по 1880 гг. — не писали с натуры, и их мало занимала анатомическая аккуратность деталей и выражения лиц, поэтому даже **лучшие мастера — Масанобу, Киёнага, Харунобу, Хокусай** представляют нам бесхребетных резиновых девушек, у которых, кажется, вовсе нет костей; мужчин с невообразимыми интимными принадлежностями, лобковые волосы и вагины в местах, невозможных с физиологической точки зрения.

Однако женщины Утамаро — а он был великим сладострастником — прекрасны. Глазу, настроенному на западное искусство, необходимо привыкнуть к виду гостя и проститутки, изображенных в интимном единении. Дело в том, что в Японии традиционные художники видят вещи отнюдь не в западной манере, выразившейся в греческих статуях или произведениях Тициана, Рубенса или Ренуара.

У тех обнаженные с богатыми переходами оттенков и округленными реалистическими деталями ближе к фотоснимку, нежели ранние японские образцы — упорядоченные и символизированные — обнаженных мужских и женских фигур. Поначалу они были так же чужеродны для нас, как *суси*, местное блюдо из сырой рыбы.

То, что в викторианское время с моральной точки зрения считалось (однако практиковалось) ненормальными наклонностями, ни в малейшей мере не являлось неправильным для проститутки Ёсивара и ее гостя. Они были традиционалистами, и **коитус** для них реализовывался всевозможнейшими путями и тропинками. **Гравюры демонстрируют массу позиций сексуального единения.** Западные авторитеты по этому предмету насчитывают **38 или 48 поз**, в зависимости от того, к какой эротической школе они принадлежат.

KORYUSAI Isoda (1765-1785). *Elegant Pleasures of the twelve months*

Японцы заявляют о существовании гораздо большего количества, однако многие из них есть просто небольшие вариации друг друга.

Общепринятым был **акт сзади**. То, что в наших текстах называется позой «шестьдесят девять» (по-японски **«бутон к бутону»**), в Ёсивара оставалось на усмотрение мужчины; для женщины было невежливым требовать подобного сексуального внимания к себе, разве что сам гость предлагал это.

«Преданность традиции — лучшее женское качество».

У хорошо тренированной проститутки был целый **вокальный спектр** хихиканий, вскриков, стонов и вздохов удовольствия, сексуально окрашенного частого дыхания; целая гамма телесных содроганий, которые должны были показать гостю, какой эффект оказывают его усилия на ее тело и эмоции. В основном они были наигранными. Гость же зачастую издавал хриплые звуки, как самурай, нападающий на противника в сражении.

Многие ночи удовольствий представляли собой **групповые усилия**, когда кто-либо приглашал «нескольких своих почтенных друзей насладиться с ним удовольствиями в обществе некоторых из лучших девушек». Такие встречи (в эротических кругах на Западе называемые «каруселями») представляли собой, если верить гравюрам, что-то вроде организованных футбольных матчей, на которых различные предваряющие ласки, занятие позиций для совокупления, оральные и прочие стимуляции происходили одновременно. То, что на этих картинах иногда представляется сюрреалистичным — это спокойные лица участников, похожие на те, что бывают у игроков в покер, их серьезность, как будто они участвуют в каком-то древнем ритуальном балете. Поездки на лодках — «Летние сумерки на

реке Сумида» — представляли собой популярные оргии на воде. И вновь — безо всякого выражения на лицах.

Utagawa KUNISADA (1786 - 1865) or school - Figure studies of couples

В действительности гравюра вводит нас в заблуждение. В одном эротическом тексте сказано: «Производится много шума; *сакэ* вызывает у гостей радость и счастливое сумасшествие. Лучше удерживать их в порядке забавными высказываниями, или острыми, смешными историями». Иногда это не удавалось, и на утро являлись счета за поломанное и разбитое, за ущерб циновкам и ширмам, подбитые глаза и выбитые зубы. Количество выпитого *сакэ* обычно завышалось в счетах, подносимых истощенным, мало что понимавшим гостям. Немногие из художников *укиё-э* живописал эту обратную сторону удовольствия.

Книга с картинками и текстом неизвестного автора XVIII в. с близкого расстояния показывает нам низкосортный публичный дом в описании танца **тёнкина**, на несколько столетий опередившего современный бурлескный стриптиз:

Кто танцует **тёнкина**? Низкосортные девки и гейши. Они рассуждают, как и все публичные женщины — высокого ли, низкого ли ранга: сделать вас счастливым, чтобы получить вознаграждение. Вечеринка была организована во второразрядном чайном домике женщиной, звавшейся О-Кома («госпожа Лошадка»). Это был обычный чайных домик с кланяющимися служанками, ритуалом снятия обуви, чистыми комнатами и раздвижными окнами, запахом пудры для тела, частной женской жизни и видом сырого сада за окнами.

Десять гостей были с поклонами препровождены в комнату и усажены за низким столом. Появилась еда, разлили чай, откупорили белые сосуды с *сакэ*. Гости предлагали тосты и громко разговаривали.

В комнате было жарко, но никто не открывал окон. За занавесом застучал барабан; гости принялись ритмично выкрикивать: «**Тёнкина, тёнкина, хай!**» Занавес распахнулся — за ним находилась госпожа Лошадка, стучащая в небольшой барабан. Одна из девушек пощипывала струны сямисэна. Музыка была пронзительная и пронизанная чувственностью.

Появились десять девушек, почти вкатившись в комнату своей семенящей походкой. Они были полностью облачены в церемониальные одежды, а их лица и шеи фарфорово

отблескивали пудрой — спутником их профессии. Некоторым из гостей они вообще не показались женщинами; несопротивлявшаяся служанка игриво взвизгнула, когда один из гостей схватил ее.

Танцующие девушки двигались медленными, покачивающимися движениями, в которых, казалось, было больше усилий, чем страсти. Внезапно музыка прекратилась. Все девушки замерли, и лишь одна, замешкавшись, сделала небольшое движение. Все засмеялись; гости закричали. Несумевшая вовремя остановиться девушка принялась развязывать пояс. Без малейшего выражения на лице она бросила его на пол. Музыка возобновилась; все ждали; она прекратилась вновь. Теперь другая замешкавшаяся сняла пояс. Одна из девушек лишилась *кимоно*, затем нижней накидки и стояла полуголой, глядя на мужчин. Комнату заполнило возбужденное дыхание, запах от пролитого *сакэ* и разгоряченных танцующих тел. Кто-то немного приоткрыл раздвижное окно. Низкорослая девушка стягивала с себя нижние штаны, демонстрируя бедра, розовую плоть...

Танцовщицы уже не выглядели одинаковыми. Их тела, не покрытые пудрой, были желтыми и коричневыми, в родинках и со странно подбритыми лобковыми волосами. Между их грудей струился пот. Некоторые из них были еще молодые — лет десяти–двенадцати — и имели маленькие, твердые груди. Другие были постарше, и их груди непристойно болтались. Игра продолжалась; гости хлопали друг друга через стол, били чашки из-под *сакэ* и кричали, подобно животным в гоне, обнажая зубы. Они отгребали падающие на глаза волосы жирными пальцами и издавали хряпящие звуки.

Самая высокая девушка теперь была совершенно нагая. У нее были красивые ноги и тонкие руки; дышала она несколько с трудом. Девушка ростом поменьше становилась все возбужденнее, цепляясь за последний прикрывавший ее предмет одежды, но вскоре и он упал на пол. Женщины более не выглядели как куклы: кто-то был спокоен, кто-то забавлялся. Одну, казалось, опьянила музыка: она делала странные жесты и прыгала туда-сюда, широко раздвинув ноги, с большими бедрами и хлопающими по туловищу грудями, все ближе и ближе приближаясь к гостям.

Их жесты больше нельзя было назвать ни танцем, ни даже игрой; это было сумасшествие — соблазнительное, сексуальное, и все же грациозное.

Гости пошатываясь вскакивали на ноги, присоединялись к танцующим, начинали освобождаться от своих мечей, сбрасывая с себя одежду. Широкогрудые, коротконогие, с мощными руками; лица ярко-красные, они терзали вскрикивавших возбужденных девушек. Барабан продолжал стучать не переставая. Некоторые лампы погасли.

Один из гостей попытался уйти, но две маленькие служанки повисли у него на руках: *Ия, ия!* («Нет, нельзя!»), и *сакэ* выплескивалось из их маленьких опьяневших ротиков. Они перешагивали через пары, катавшиеся по циновкам в бесстыдном самозабвении. Оргия продолжалась при пьяных, протяжных криках.

Будучи ничем не ограничена в своих предложениях, Ёсивара могла предоставить практически любой вид времяпровождения для своих покупателей. Для **вуайеристов** были дырочки для подглядывания; для гомосексуалистов — педерастия в определенных домах. **Мазохизм** также не являлся чем-то неизведанным: «У некоторых из гостей могут быть странные, экзотические привычки, но, если они не станут нарушать целостность кожи, милая девушка сможет убажить и таких». Тем не менее, **мы нигде не находим упоминаний о связываниях, порках, шлепках, столь популярных во французских и британских записях.**

Сколь тяжелой ни была бы ночь (если гость оставался на ночь), утреннее расставание, пусть даже и с виду, оставалось вежливым и учтивым. Если же гостя с затуманенной головой переводили в баню, а он был молод и все еще при деньгах, то банные девушки быстро

возбуждали в нем желание и доводили до нового экстаза. **В банях и в задних помещениях чайных домов служанки были хорошо обучены обращаться с фаллосами гостей.**

Затем его отправляли домой к жене и, возможно, одной—двум наложницам.

Не следует смешивать наложниц, выкупленных в Ёсивара, с гейшами и проститутками. Обычно это была какая-то бедная девушка, проданная в дом все еще пылкого хозяина, чувствовавшего, что его супруга постарела или слишком занята хозяйством и детьми. При всем прочем, дом никогда не мог стать таким же привлекательным, как «веселый квартал», и, если мужчина мог это себе позволить, появлялась наложница, — точно так же, как второй автомобиль в семье.

Хавелок Эллис, подробнейшим образом писавший о сексуальных привычках, описывает **товары японских лавок интимных принадлежностей.**

По мотивам гравюры Секесан Эйсё «Японки, использующие искусственный пенис». 1800 г.

Не будет преувеличением сказать, что **японские женщины довели механическое искусство авто-эротизма до высочайшей степени совершенства.** Они использовали два пустотелых шарика, размером с голубиное яйцо (иногда — только один), сделанные, в соответствии с описаниями Джоэста, Кристиана и других, из очень тонкого медного листа; один из них пуст, другой (называемый «маленьким человечком») содержит небольшой и тяжелый металлический шарик, либо некоторое количество ртути, а иногда — металлические язычки, вибрирующие при любом движении; таким образом, если держать два шарика вместе в руке, движение не прекращается. Сперва во влагалище вводится пустой и оставляется в соприкосновении с маткой, затем другой; малейшее движение органов побуждает металлический шарик (или ртуть) перекатываться, что производит приятное чувственное возбуждение, мягкое щекотание, похожее на слабый электрический разряд; шарики называются рин-но тама и удерживаются во влагалище специальным тампоном. Женщины, пользующиеся ими, любят качаться на качелях, в гамаках и креслах-качалках, при этом тонкая вибрация шариков производит высшую степень сексуального возбуждения. Джоэст замечает, что, хотя это приспособление хорошо известно по названию обычным девушкам, в основном оно используется самыми выдающимися гейшами и проститутками первого разряда. Его использование сейчас распространилось в Китай, Аннам и Индию. Говорят, что японские женщины часто пользуются **искусственным пенисом** из бумаги или глины, называемым **энги.**

В XIX веке в секс-шопх продавались различные приспособления, например презервативы с головой демона или петуха с прикрепленными шишками и перьями, а также фаллоимитаторы всевозможных конструкций.

Подобный бизнес существует и в наши дни. В середине 60-х годов во время Олимпийских игр в Токио некоторые фирмы просили не выпускать (хотя бы до окончания Игр) каталоги с текстом на крайне вычурном английском. На обложке одного красовалась надпись: “We hope your kind favour as before” (нечто вроде «Надеемся ваше доброе расположение, как раньше»).

В них предлагались различные версии гениталий обоих полов, а также контрацептивы (называвшиеся «усилителями наслаждения») и небольшие фигурки в стиле поп-арт.

Музыкальный Шар, который описывает Хавелок Эллис, все еще остается фаворитом, каким он был и в Ёсивара; сохранилось несколько гравюр с его изображением. **Подпорка для фаллоса** продается, как «Аппарат благословенной реформы. Это — благодать для мужских чувств; молодеешь, всего лишь увидев эту прекрасную вещь. Мы особенно рекомендуем ее пожилым мужчинам» (из рекламного буклета).

Афродизиак в Ёсивара составлялись на научной основе (по крайней мере, так заявлялось). В каталоге приводятся некоторые снадобья, которыми проститутки и гейши пользовались для возбуждения увядающих мужчин: «Лекарство Счастье — Женщинам»; крем «Долговременный» для мужчин, описан как «подстраивающий (!) или снижающий сверхвозбудимость». Хорошо шли таблетки «Йохимборде», насчет которых обещалось, что «вы не сможете остановиться всю ночь, радуясь жизни». «Косэйсо»: «сделан из гормонов (!) таинственного (!) дикого животного с Формозы». «Гентопин» — лекарство от всего!

Подобные современные приготовления были бы сочтены ранними куртизанками вещами ниже их достоинства. Им не требовалось ничего искусственного, всего лишь хорошая еда, сакэ, подходящее представление и утонченная сексуальная игра.

Персонажи Плывающего Мира

Не все деликатные напряженности в Ёсивара вертелись вокруг салфеток, нервичности и манер. Гейши постоянно создавали неприятные ситуации, так как они соперничали с куртизанками в сексуальных играх, занимаясь проституцией помимо своих песен и плясок. Гейши-мужчины развращали девушек, закручивая дикие романы; их интимность превращалась в связь, не дававшую проститутке полностью сконцентрироваться на своих профессиональных обязанностях. Они читали любовные поэмы, кое-что писали сами, напивались, обзывали гостей; содержателям домов приходилось их бить, чтобы те заняли в сообществе подобающее место, а не вели себя как избалованные дети. Совершенно очевидно, что женщины не просто смотрелись в зеркала, обрамленные рамками из криптомерии, или перебирали свои гребни из клювов зимородков. Ёсивара была общиной, соединявшей десятки взаимозависимых смертных существ. Задолго до современных психологов женщины из Ёсивара знали, что индивидуумы — это сложные, интегрированные организмы, что одинокая душа находится в постоянном соприкосновении со своим окружением. Поэтому им трудно было сказать *Ёросий* — «Все в порядке».

В 1779 г было принято решение о регистрации и лицензировании гейш обоих полов. Некий Сёроку, содержатель дома Дайкоку-я, оставил свое место и принял на себя обязанности Директора Института Гейш, став главным контролером над всеми гейшами, певцами *дзёрури* и исполнителям на сямисэнах. Были предприняты некоторые попытки, чтобы удержать их от нарушения прав проституток в сексуальном департаменте. А при более жестком контроле девушки могли каталогизировать свои гонорары, чары и одежды. Литератор Сёдзан в конце XVIII в. перечислил всего несколько очаровательниц, которые были способны спросить не «Что есть любовь?», а «Что любовь делает с человеком?»

При перемещении по Ёсивара великих куртизанок обычно сопровождали две личные служанки в возрасте от семи до двенадцати лет, которых называли **камуро (кабури)**. На них были такие же богатые одежды, как и на их госпоже. Прислуживая куртизанке, они теряли свои истинные имена, а хозяева публичных домов давали им другие, веселые и простые, такие как Тидори (Ржанка), Намидзи (Волна) и Нэко (Кошка).

Камуро, подававшие надежды, оценивались — смогут ли они в один прекрасный день стать куртизанками. Наиболее способных обучали игре на *кото*, сямисэне, искусству аранжировки

цветов, чайной церемонии, составлению **сэнко** (ароматических курений) и чтению текстов, записанных не только *хирагана* — простейшими знаками японской азбуки. Они начинали свою карьеру в возрасте от пяти до семи лет, обычно после того, как их выкупали у родителей или родственников. В тринадцать, если они выказывали грациозность, красоту, силу духа и внимательность, то становились **синдзо**, или **фурисодэ синдзо** (буквально «синдзо, трясущие рукавами», называвшимися так, поскольку носили кимоно с незашитыми рукавами, «на вырост», которые затем подгоняли).

Isoda Koryusai 1775-77 - Two Lovers

Им устраивался формальный выход в свет, в котором участвовали все обитатели «веселого дома», одетые в лучшие шелковые одежды. *Абарэмоно* («дикие мальчики»), припевая и отпуская всякие колкости, готовили гречневую лапшу и рис, сваренный с бобами. Гостям раздавали небольшие подарки. Праздник длился несколько дней. Для синдзо предоставлялись постельные принадлежности, одежда и мебель. В течение недели она ходила с другими новыми синдзо вдоль главной улицы. Чашки с сакэ, а также отрезки материи, на которых было написано ее имя, раздавались в различные чайные дома для привлечения покупателей и гостей, интересовавшихся особо молодыми синдзо.

Сомнительно, чтобы многие синдзо оставались девственницами к тому времени, когда они начинали заниматься своей профессией, однако особо почетным гостям всегда предлагалось дефлорирование.

Становясь синдзо, девушки получали сертификат продажи. Содержатель борделя обычно платил **мино сироки** («деньги за тело»), а хитрые родители, или продавцы девушки, которым казалось, что они смогут получить больше в другом месте, иногда использовали сводника (**дзэгэн**), профессионального агента по купле-продаже девушек, чтобы получить лучшую цену в другом публичном доме.

Не все проститутки были детьми родителей низшего или среднего класса, проданными в Ёсивара. Существовала странная группа женщин **якухо** из высшего класса общества —

самураев. Наказанные в соответствии с жестокими правилами двора и воинского сословия за некие проступки, они были отосланы в «веселые дома» из своих семей на срок от трех до пяти лет. Для гордых самураев поступить так казалось делом фантастическим. Со временем многие женщины, проданные в Ёсивара, стали заявлять, что они — якухо, и термин стал общим, потеряв свое старое значение.

Содержатель публичного дома надзирал за своим заведением лишь в общем. В реальности всеми делами, присмотром за куртизанками, слугами и порядком в целом обычно занималась жесткая женщина средних лет, которую звали **обасан** (тетушка). Ее комната или конторка располагалась так, что она могла видеть почти все происходящее в заведении. Сама, будучи зачастую старой и мудрой проституткой на покое, она знала все уловки и вранье посетителей и девушек. Она была приветлива при встрече, резка и эффективна в критических обстоятельствах.

Тетушка приветствовала гостей, расхваливала девушек своего дома, старалась подстроиться под гостя, предоставив ему девушку нужного типа или темперамента (**юкайдо**). Она держала девушек в тонусе, следила, чтобы те уважительно относились к гостям, сама смеялась над их шутками, веселила их, если те грустили, и отвечала на их чувственность, если они этого желали.

Независимо от своих улыбок и поклонов, служанки и проститутки часто видели перед собой тетушку твердой, жестокой, жесткой и скорой на расправу. Ее действительный доход набирался из чаевых гостей и процента от гонораров, уплачиваемых дому. Подобно современным дворецким и домовладельцам, они также имели свою долю со всех блюд и остальных предметов, заказывавшихся гостями.

Тетушкам жилось неплохо. Некоторые владельцы домов вывешивали надписи: «Пожалуйста, не давайте чаевых», дабы у посетителя складывалось впечатление высочайшего уровня сервиса безо всяких оплат сверху. Однако, в действительности все было не так: ни один гость не мог миновать тетушки с глазами сфинкса и не опустить 20–30 *сэн* в ее ладонь.

Наказания служанок и проституток, нарушивших правила, или вызвавших гнев тетушки, были жестокими, — как правило, скорыми и исключительно телесными. Кажется, в домах низкого пошиба непременно властвовал садист.

Они также ссужали деньги. Налагая на девушек ростовщические проценты, они обычно выходили в отставку хорошо обеспеченными. Несмотря на всю жестокость, у тетушек случались исключения из правил. Они заводили себе фавориток, и лесбиянство было общим явлением среди заключенных Ёсивара во многих домах.

Слуги мужского пола безотносительно к возрасту назывались **вакай-моно** («молодыми людьми»); они были умны и елейны в обращении. Работали они сторожами, прислугой в банях и спальнях, присматривали за обувью и имели небольшой процент от пищи, еды и любых других предметов, которыми заведовали. Их доля проявлялась даже в тех домах, где проституткам платили лично. Обычно у нее «не оказывалось сдачи», и она предлагала гостю отдать ее «молодому человеку». Вакай-моно делали бизнес даже на продаже туалетной бумаги.

Гейши-мужчины, составлявшие отдельный класс, назывались **хокан**. Они присутствовали на пирушках и забавляли гостей пением, плясками и сальными шутками типа: «У него широкая задница». Многие были полными дегенератами, часто с гомосексуальными наклонностями. Кланаясь, они пользовались веером. Когда сакэ и еда разгорячали гостей, в дело вступали хокан. Они были глуповатыми, диковатыми, напыщенными, исполняли непристойные пантомимы и вульгарные «завлекательные» танцы. Гости требовали еще и еще, кричали: «Снимай! Снимай!» Они также танцевали *puris naturalibus*.

Хокан из Ёсивара, известные как **отоко-гэйся**, мало уважались и не ценились столь же высоко, как гейши-женщины. Их глуповато-надменные манеры с прыжками, а также демонстрация фаллосов в большинстве случаев требовались, когда участники пирушек напивались, и пожилым гостям хотелось какого-то необычного зрелища.

Официально правительство сёгуната регистрировало хокан, как «носильщиков на набережной» (*дотэ-нинсоку*). В некоторых районах они числились как мойщики, уничтожители насекомых, управляющие, чистильщики уборных. Все они были **годзёмоно** — трудноизлечимый тип.

Хокан забавляли дилетантов, любителей искусств, поэтов, представителей утомленных и скушающих от своего богатства кругов. Некоторые из них были хорошо образованы и имели определенную социальную позицию.

Хотя время от времени принимались суровые законы против гомосексуальных практик, такие привычки были глубоко укорененными, причем даже в среде высших чиновников и богатых покровителей искусств. Некоторые мужчины, переодетые женщинами, даже имитировали прически куртизанок — **хёгомагэ**.

У гомосексуалистов на лбу обычно была отличительная прядь волос, называвшаяся **маэгами**. Они писали стихи, а на гравюре XVII века работы Масанобу мы можем прочесть стих храмового пажа, или монаха-гомосексуалиста:

Юноша Ароматная Слива,
Склонный к нашим отношениям,
Дарит тебе свою первую
Улыбку в этом году.
Асон

Гомосексуальные круги собирались в основном в театре Кабуки. Миловидные мальчики играли там все женские роли, как в шекспировском театре, и между актерами из Ёсивара, часто являвшимися проститутками мужского пола, существовали гомосексуальные отношения.

В первом году Дзёо (1652) вышло постановление, запрещавшее появление актеров в компаниях, однако тут же появилась петиция «определенных лиц», и актеры вернулись. Им были приказано брить волосы выше лба, поскольку длинный волосяной покров считался излишне сексуальным.

Актеры, игравшие женские роли, покрывали свои обритые лбы полотенцами цвета лаванды, и на любой японской гравюре, где мы видим прелестную девушку с таким покрытием, изображен — в этом можно быть уверенным — актер-мужчина.

Некоторые японские историки совершенно серьезно сообщали, что мужчины в женских одеждах были красивее женщин. «Их овладевающее чувствами появление <...> до такой степени затмевало красоту обычных женщин, что в городах распространились неестественные наклонности».

Гомосексуалисты, которых называли **яро**, совершенно открыто демонстрировали свои наклонности, точно так же, как они делают это сегодня в крупных американских и европейских городах. Гравюры с изображениями знаменитых куртизанок, гейш и актеров стали такими популярными, что издатели помещали портреты хорошо известных яро, — иногда вместе с текстом, в котором описывались их привычки, история жизни и достоинства внешности.

Гомосексуальные публичные дома возникли в районе Нэгимати в Эдо и были известны как «детские дома» (**Кодомо-я**). В них молодые люди предлагали свои услуги в манере проституток из Ёсивара. Они также были обучены петь, танцевать и читать стихи, и многие из них стали актерами-исполнителями женских ролей.

Гомосексуальная любовь породила собственные саги, и, хотя на официальном уровне на это взирали с неудовольствием, многие чиновники и высокопоставленные руководители предавались в своем кругу «мужской любви» или развлекались с мужчинами—проститутками. Писатель Ихара Сайкаку в своей повести «Гэнгобэй, или Гора Любви» описывает женщину, переодевшуюся мальчиком, чтобы завоевать любовь известного гомосексуалиста.

Жил человек по имени Гэнгобэй <...> и днем, и ночью он страстно стремился к телам молодых людей. Никогда он не ложился, дабы предаться любовной игре или связи со слабыми длинноволосыми созданиями, называвшимися женщинами.

[Однако девушке О-ман удалось провести с ним ночь, когда он думал, что она — мальчик.]

Ловя ртом воздух, задыхаясь от вожделенного желания, Гэнгобэй провел рукой вверх по широкому рукаву и жадно схватил ее обнаженную плоть. Как удивительно: этот мальчик не носил нижнего мужского белья! О-ман было радостно, но она подумала — что это Гэнгобэй положил себе в рот и принялся жевать?

«Что ты сделал?» — спросила она. [Он жевал нэриги, афродизиак, производимый из листьев штокрозы розовой.]

Сорвав с себя одежду, <...> он отбросил ее прочь и продолжил игру, от которой получал сексуальное удовлетворение, вечно интересную драму, забаву для каждого. Сперва был снят ее оби <...> после чего он подумал: бедный мальчик, свежий воздух, наверное, слишком холоден для него, после чего накинул на него что-то из одежды.

«Итак, мы начинаем», — объявил он, прижимая голову к его руке. От удовольствия его охватывало неистовство, и он скользящим движением провел по ее ягодицам: ни шрама, ни родинки — нетронутый, невинный мальчик!

Когда ищущие руки Гэнгобэя стали двигаться вниз к ее бедрам и еще ниже, О-ман пришла в беспокойство и решила, что лучше всего будет прикинуться уснувшей.

В нетерпении, тот начал любовную игру и, когда она закинула одну ногу на его тело, увидел ее красное нижнее белье — принадлежавшее женщине!

Потрясенный, Гэнгобэй исследовал ее тело, находившееся так близко к нему, и увидел, что у этого прекрасного «мальчика» нежное девичье лицо. Это, действительно, было потрясением. Какое-то время он не мог издать ни звука. Затем он попытался отодвинуться, подняться с циновки, но, нет, — О-ман крепко сжала его в объятиях. <...>

«Я была вынуждена так поступить: одеться мальчиком и прийти к тебе. Зачем винить меня за мою великую страсть к тебе?» С этими словами она еще теснее прижалась к нему своим прекрасным молодым телом. Тут уж Гэнгобэю пришлось недолго ждать, чтобы ощутить к ней чувственное влечение.

«Нет никакой разницы, — сказал он, — любишь ли мужское или женское тело!»

Его уносило прочь, он не мог сдержаться в своем животном желании, в этой всепоглощающей страсти, доминирующей над столь многим в этом мире. Эти желания, вожделения потрясают каждого из нас. Называйте их силками природы, однако все мы в них попадаемся. В этой игре даже Будда может потерять голову.

Автор малопочтителен к женским желаниям; вдовам от него достается особо.

Может ли она увлечь брата умершего, чтобы тот занял его место? Смотрите: у нее на лице появились следы новой пудры, <...> волосы по-старому масляно блестят, локоны выбиваются в стороны. Ого! Посмотрите-ка на нижнюю одежду, всего лишь немного выглядывающую из-под верхней: да она ждет, чтобы ее соблазнили. <...> Ничто так не опасно, как женщина. Никакая сила не удержит ее от того, чего желает ее сердце; тот мужчина, что вздумает сопротивляться, вызовет поток слез. <...> С некоторыми мужчинами бывает так же; хотя, если мужчина смог убить от трех до пяти жен, что воспрепятствует ему взять еще одну?

Большинство посетителей мужских публичных домов составляли монахи и военные. Некоторые из них одевались по-женски, подражали женской походке и речи и отращивали длинные волосы.

Suzuki Harunobu. Shunga

К периоду Аньэй (1780) гомосексуальные практики достигли своего пика. Существовало десять знаменитых мужских домов, в которых были доступны около 250 объектов «мужского» наслаждения. Некоторые моралисты открыто порицали наличие таких заведений. Одно из них располагалось на территории храма Юсимэ Тэндзин, а другие — около храмов Симмэй, Хиракава Тэндзин, Хатиман. Благочестие и извращение перемешались.

В 1830 г. в соответствии с новым законом число мужских домов было сокращено до четырех; в заведении Ёсима насчитывалось двадцать два юноши.

В 13 году эры Тэмпо (1842) 12-й сёгун Токугава Иёси повелел Тадакуни, повелителю Итидзэн, уничтожить «гомосексуальные притоны». «Выкорчеванная напрочь, — писал один наивный историк, — неестественная сексуальность *почти* совершенно исчезла из Эдо» (курсив наш).

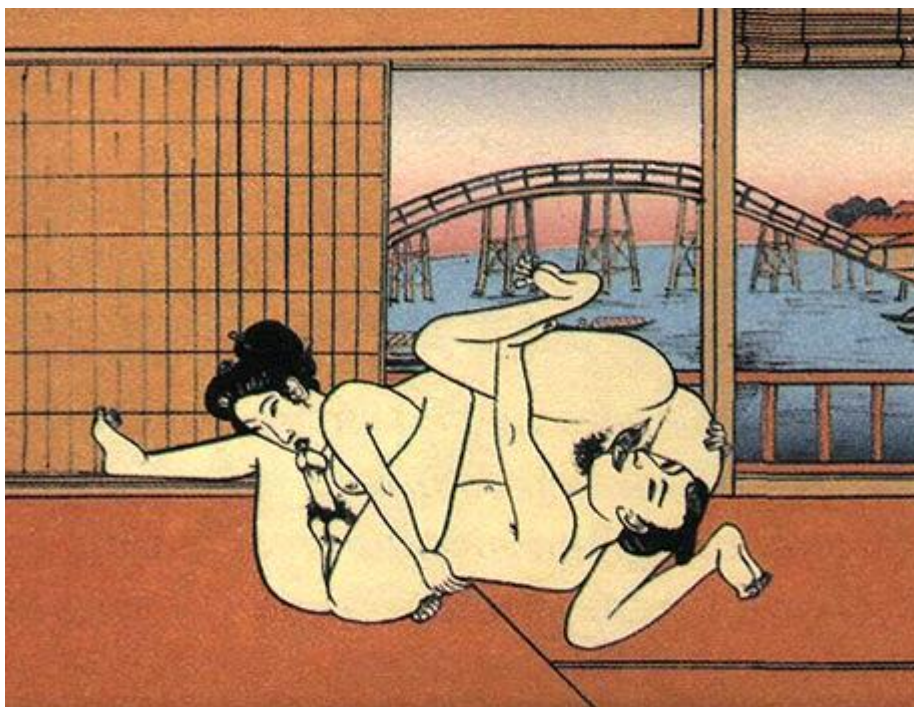
Вне стен публичных домов гомосексуалисты превратились в «продавцов благовоний». Претенциозно и богато выряженные, эти женоподобные личности носили коробки из дерева *кири* с различными благовониями, завернутые в голубую материю; они стучались в двери лучших домов аристократов и военачальников, предлагая ароматные курения и себя самих.

Женщины высшего общества не могли не ответить на такого рода декаданс. Они копировали мужские привычки, посещая пьесы Кабуки и приглашая наиболее миловидных актеров в чайные дома, где предоставляли им возможность получить сексуальное удовлетворение. Женские эмансипе из хороших семейств довершили процесс унижения актеров, начатый их мужьями; дамы высокого происхождения разорвали путы, связывавшие их в сексуальном плане в семьях с доминированием мужчин.

В золотой век сёгуната и в расцвет Ёсивара чемпионы по борьбе часто были почетными гостями куртизанок; ими восхищались, им льстили, кормили и поили; они были желанными сексуальными партнерами. Из-за своих размеров и веса нормальные, или, скорее, общепринятые позы совокупления были для них невозможны, поэтому на различных порнографических гравюрах часто изображались оральные контакты. Феллатию, как мы видим, было обычным делом, в особенности — в применении к спортивным фигурам.

По мотивам гравюры Кунисада «О великий крик женщины». XIX в.

Если гейши имели плохую репутацию, то, прежде всего, из-за своей привязанности к борцам и актерам. Японские эротические романы описывают сексуально неистощимых актеров Кабуки и могучих победителей борцовских рингов, как героев, великих и

и сладострастных любовников. Их исполнение, производившее многочисленные оргазмы, описано во многих историях. Актер, самодовольный петух, если не был гомосексуалистом (как многие из них), вряд ли являлся верным гетеросексуальным любовником. Среди громадных борцов многие весили более 120 кг. Хотя, некоторые медицинские авторитеты считают, что, по причине своего веса и ненормального строения их гениталии атрофировались, и многие были не в состоянии функционировать как мужчины-партнеры для гейш и проституток.

В рассказе Окада Сёги мы находим описание того, как гейша и ее любовник пришли смотреть состязания сумоистов:

Дом сумо был большой, и циновки для зрителей были разложены вокруг утоптанного ринга. Они сели рядом с барьером, выложенным из рисовых тюков. Рядом с ними рассаживались люди благородного происхождения, негромко приветствуя друг друга. Теперь он понял, что его привели сюда для осмотра и обсуждения. Он попробовал оглядеться не привлекая ненужного внимания. В большинстве их окружали молодые люди, но он заметил и проседи в уложенных пучках волос у некоторых.

Ринг был выложен из шестнадцати рисовых кип. По одной для каждой стороны света и по одной для каждого месяца. Две кипы были сняты с двух сторон, образуя проходы. Огромные люди вышли на ринг и поклонились в направлении Повелителя, на чьи деньги все было организовано. За ними вышел чиновник с веером в виде жезла. Борцы были удивительно толсты, с огромными боками и бугристыми руками, выдающимися ягодицами и щеками, которые свисали подобно дыням. На них были ритуальные передники из дорогостоящего материала; они прополаскивали себе рты из кувшинов с водой. Самый большой из них был чемпион, именовавшийся Ёкодзуна, предводитель Маку-но ути («тех, кто за занавесом»). Художник Сюнсё исполнил гравюру с изображением «Самого Сильного и Самого Справедливого» из борцов, Таникадзэ, позировавшего с О-Кита, знаменитой гейшей.

Началась дохёири, церемония вступления на ринг.

Появление борцов было впечатляющим. Они топали ногами, разбрасывали вокруг соль, хлопали в ладоши и кланялись организатору, чиновникам и гостям. Наконец, церемония окончилась, и на ринге остались лицом к лицу двое больших мужчин, уже без фартуков, в одних набедренных повязках, с выставленными вперед узловатыми руками, с согнутыми коленями, с глазами, почти утонувшими в жире. Затем с рычанием они сшиблись,

пытаясь ухватить друг друга, тяжело дыша, хрипя и перехватывая руками. Существуют сорок восемь различных видов захватов и бросков, и состязающиеся могут пользоваться лишь ими.

Внезапно большой Таникадзэ отступил в сторону, крепко ухватив и сгибая своего противника. Толкая друг друга, они повернулись, и Таникадзэ поднял, повернул и боковым броском поверг соперника на землю. У всех вырвался выкрик одобрения, а большой борец поклонился Повелителю.

В помещении становилось жарко. Гости обмахивались веерами; чиновник сделал несколько замечаний, а Таникадзэ уже стоял на ринге перед новым противником. Он выиграл и эту схватку. Он поклонился, и на ринг поднялись два других гиганта. Они — японцы; в них — истинно-японский дух (ямато-дамасии). Они много едят и не делают ничего, но только борются. Нельзя сказать, чтобы запах пота от огромных мужчин, сталкивающихся в битве своей плотью, был таким уж неприятным.

Затем для любовников наступил момент, когда ему пришлось возвращаться ко двору своего отца на север. Много лет спустя он написал стихотворение:

Давным–давно, когда все мое внимание
Было направлено на гейш,
Для меня никогда не было слишком много
«Белошеих» (сирокуби)...

Литература и искусство любви

Обитательницы Ёсивара читали и перечитывали «Записки у изголовья» Сэй Сёнагон, представляя, сколь прекрасны любовь и секс были в те давние времена. Они листали сборники любовной поэзии прошлого, чтобы ощутить истинно романтическое настроение, как в этом хайку Басё, первого великого поэта «японского Возрождения» — эпохи Токугава:

Помнишь, как любовались мы
Первым снегом? Ах, и в этом году
Он, уж верно, выпал опять.

(пер. В. Марковой)

Мы не можем ни датировать, ни идентифицировать авторов всех стихов, появляющихся в старой литературе, однако в них часто звучит нотка искренности. Поэма женщины–куртизанки, в противоположность произведению великого поэта, читается, скорее, как старая версия «Моего мужчины»:

Утром и ночью
Я разбираю свои непричесанные пряди,
Как будто перебираю рисовую рассаду,
И думаю — когда ты придешь?

Или возьмем этот откровенно эротический символизм:

Грустит мое тело —
Водоросль, стремящаяся плыть...
А вода искушает
Корни, держащие ее,
Чтобы она вновь поплыла.

Кэнко–хоси, древний автор, дает нам описание любви вдумчивого человека, однако он, вероятно, был уже стар, когда писал это.

Мужчина, который не знает толка в любви, будь он хоть семи пядей во лбу, — неполноценен и подобен яшмовому кубку без дна. <...> При этом, однако, нужно стремиться к тому, чтобы всерьез не потерять голову от любви, чтобы не давать женщине повода считать вас легкой добычей. <...> Ничто так не приводит в смятение людские сердца, как вождление. Что за глупая шутка — человеческое сердце! Вот хотя бы запах — уж начто вещь преходящая, и всем известно, что аромат — это нечто, ненадолго присущее одежде, но несмотря на это, не что иное, как тончайшие благовония неизменно волнуют наши сердца. (пер. В. Горегляда)

Да, Кэнко–хоси жил очарованиями прошлого.

С приходом в Японию буддизма были переведены и опубликованы некоторые индуистские тексты эротического содержания, часто с иллюстрациями японских художников. В Ёсивара ходило несколько изданий классического текста «**Камасутры**», книги индийского искусства любви. Там есть целый раздел, озаглавленный «О применении ударов. О звуке сит», где сказано:

Говорят, что любовное удовольствие подобно состязанию, ибо любви свойственны распри и дурное настроение. В силу подобной склонности нанесение ударов — также часть [любовного удовольствия]. Места [ударов] — плечи, голова, [впадина] между грудей, спина, нижняя часть, бока.

(пер. А. Я. Сыркина)

Описание звучит полуигриво, полузловеще. «Удары любви», наносимые злобным, садистически настроенным гостем, могли быть болезненными. Но в «Камасутре» ничто не оставлено пустым домыслам и догадкам, все детализировано.

Эти [удары] четырех видов: тыльной частью руки, согнутой ладонью, кулаком и распрямленной ладонью. <...> Сидящую на его коленях он ударяет кулаком по спине. При этом она, словно сердясь, издает «рокот», «плач», «воркованье» и наносит ответный удар. (пер. А. Я. Сыркина)

Японские мужья могли почерпнуть там предостережения относительно того, что могло случиться у них дома, покуда они пропадали в Ёсивара с другими женщинами. Японские жены, при всей их покорности и принятии мужского мира гейш и проституток, могли выйти из себя.

Добродетельность женщины часто подвергается опасности по следующим причинам: частые посещения вечеринок и собраний, отсутствие сдержанности, невоздержанность мужа, отсутствие осмотрительности в ее отношениях с другими мужчинами, частые продолжительные отсутствия ее мужа, долгие путешествия в другие страны, разрушение ее любви и чувств мужем, компания распущенных женщин, ревность мужа.

Существуют стихотворения и даже документальные свидетельства того, что японские женщины высшего класса и при дворе действительно имели любовников, убегали от мужей и следовали советам «Камасутры».

Приближение к вышедшим замуж за других происходит по уже разъясненным причинам. Пусть [при этом мужчина] сначала примет во внимание, доступны ли они, безопасны, достойны ли сближения, [каковы их] намерения и поведение. Когда же он видит, что любовь его переходит от одного состояния к другому, то, чтобы спасти собственное тело от разрушения, пусть приближается к вышедшим замуж за других. (пер. А. Я. Сыркина)

Список самых известных художников, изображавших Ёсивара:

Моронобу - 1618–1694

Сукэнобу - 1671–1751

Харунобу - 1724–1770

Сигэмаца - 1739–1820

Киёнага - 1752–1815

Утамаро - 1754–1806

Эйси - 1756–1829

Хокусай - 1760–1849

Тоёкуни - 1769–1825

Сяраку - писал 1794–1795

Кунисада - 1786–1864

Хиросигэ - 1797–1858

Куниёси - 1797–1861

Они и их ученики — истинные историки Ёсивара. Они исполнили много серий гравюр с досок, изображавших великих куртизанок, гейш, служанок, актеров и уличную толпу. Произведения массового искусства, ценившиеся в те времена совсем не высоко, сейчас они превозносятся как высочайшие образцы творческого духа. Подобно джазу — музыке игорных и публичных домов в Новом Орлеане, некоторые из укиё-э, или картин Плывущего мира переместились из борделей в сферу искусства, однако для этого потребовалось немало времени.

Самые первые картины постельных сцен из Ёсивара появились в начале XVII в. в путеводителях. «Подушка для поэтов» изображала представителей обоих полов в непринужденных позах, разговаривающими и пьющими чай, но не в процессе соития. Один из ранних японских художников-гравюров Моронобу подошел к теме «весенних картинок» (**сюнга**) конкретно, изображая не только женщин и их любовников в различных сексуальных позах, но также и всех остальных персонажей Плывущего мира: маленьких служанок, слуг-мужчин, балагуров, содержателей публичных домов и даже драки пьяных гостей. На протяжении более двух столетий уличные сцены Ёсивара, **абуна-э** (непристойные картины), сюнга, знаменитые гейши, проститутки и актеры Кабуки стали предметами изображения знаменитых художников. Киёнобу (1664–1729) был известен своими эротическими гравюрами и изображениями танцев в Кабуки. За ним последовал Масанобу, писавший то же несколькими десятилетиями позже. В середине XVIII в. сюнга (которые временами запрещали) проявились в таланте Утамаро, одного из лучших художников, создателя «Песни подушки», изображавшего яростные, почти клинические моменты сексуальных восторгов. Хокусай (со своей дочерью Оэй) и Куниёси в свое время стали особо почитаемыми на Западе.

Сюнга вновь исчезли на какое-то время в начале XIX в. при строгих сёгунах. Это, впрочем, не загнало в подполье фантастическое и временами комичное эротическое искусство Японии. Хиросигэ был, вероятно, последним великим художником-гравером Японии времен сёгуната до прибытия commodора Пэрри и введения цензуры в эпоху Мэйдзи. Он писал сцены из жизни Ёсивара с артистизмом и беззастенчивой чувственностью. Его вид Великих Ворот на рассвете с пьяными самураями, которым помогают добраться домой, и проститутками в еще освещенных проемах дверей — одно из самых знаменитых изображений этого города удовольствий. К 1900 г. победило западное чувство стыда, и на Токийской Осенней Художественной Выставке полиция закрыла тканью изображения совокупляющихся фигур — инцидент, получивший название «Дела с набедренными повязками» (Косимаки дзикэн). Нудизм во всех видах стал запрещенным.

Одним из издателей XVIII в., пользовавшийся деревянными досками, был **Цутаэ Дзисабуро**, которого сокращенно называли Цута-дзю. Он был круглым как шарик, постоянно куда-то спешил, быстро говорил, был готов отпустить шутку или рискованное замечание, постоянно рассказывал что-то, занимавшее его, высоким пронзительным тоном. Его деловые способности, хороший вкус и щедрость были хорошо известны.

Принадлежавшее ему издательство не было крупным, представляя собой всего лишь лавку кубической формы, втиснутую между строениями рядом с театром Мияко-дза Кабуки, плотно завешанную листами гравюр, болтавшимися на ветру. Каждое утро ее двери снимались с петель, так что в помещение можно было зайти, или вступить, как в часть улицы. Остававшиеся три стены были покрыты раскрашенными деревянными досками. На низких столиках лежали кипы гравюр вперемешку с томами любовных поэм и эротических повестей, иллюстрированных красочными или кровопролитными сценами. В задней комнате лежало еще больше гравюр, перевязанных лентами. Помощник подрезал их края острым ножом. Гравер вносил последние изменения на вишневую доску с изображением известной куртизанки или признанной гейши. Он мог резать по рисунку **Утамаро**, **Сяраку** или другого автора, создавая рельефную картину.

Печатник работал с такой доской; его руки были полностью покрыты красной и голубой красками; он тряс головой над пробным оттиском на влажной темно-красной бумаге, указывая, где резчик ошибся в правильном согласовании цветных блоков. И сам Цута-дзю, стоявший с нанятыми работниками, готовый ругаться, кричать, ударить или выбежать в лавку, чтобы поклониться какому-то самураю, желающему приобрести набор гравюр о «Сорока семи ронинах», или эротический набор об искусстве любви. Хотя самураям запрещалось посещать граверные лавки простолюдинов, так как считалось, что гравюры оказывают опасное воздействие, эти военные оставались постоянными клиентами таких заведений.

Цута-дзю не был особо удачливым издателем, по сравнению с теми, кто выпускал произведения более классических и популярных художников. Однако у него был наметанный глаз на новое в дизайне и энтузиазм в работе. Он открыл великого **Утамаро**, а теперь заполучил нового молодого человека, чьи рисунки заставили жирное лицо издателя расплыться в удовлетворенной улыбке от возбужденного удовольствия: **Сяраку Тосюсай!**

Однако домохозяйки, проститутки, гейши, актеры, профессиональные игроки и торговцы, покупавшие одну или несколько гравюр по стоимости от десяти до шестнадцати мон за штуку, не были особенно впечатлены новичком. Большинству из них не понравились ошеломляющие гравюры **Сяраку**: большие головы актеров, изогнувшиеся тела в ходе драматического действия, в сценах из знаменитых пьес, актеры-гомосексуалисты, игравшие женские роли. Они брали более слабые вещи: либо веселых детей, либо долгую, грациозную чувственность из работ **Харунобу** или **Утамаро**, серии триптихов **Сюнсё** и **Киёнага** с изображением вечеринок женщин и их любовников на реке с огнями фейерверков над их головами, либо сцены батальных схваток из пьес работы **Сукэнобу** и **Моронобу**.

Подобно текстам, документам, официальным отчетам, повестям, путеводителям по веселым домам, эти гравюры доносят до нас цвета, узоры, вообще — воздействие, оказанное этими женщинами на культуру. То, что это являлось значительной формой искусства, никто, похоже, не осознавал до гораздо более позднего времени. Проститутка как объект искусства представляла собой революционную мысль.

Жизнь на привязи

При всех модах и цветистости, традициях, грациозности и манерах, у Ёсивара была своя мрачная сторона. Женщины в большинстве своем были рабынями и заключенными. На гравюрах мы видим однообразие и скуку их повседневной жизни: они гладят кошек, возятся друг с другом, глядят из-за решеток на луну. Все они пребывали в плену меланхолии. Общими для Ёсивара были возбудимость, истерия и невроз.

Koryusai. Pheasant in the Evening Rain - from Eight Pictures of Birds 1772-1781, woodblock print

Любая проститутка и гейша, сколь низко она ни стояла на социальной лестнице, в то или иное время держала сверчка в клетке, птицу, или собаку. Великие куртизанки и знаменитые гейши обычно имели по несколько японских спаниелей.

Пленницы Ёсивара — обычно бездетные — были горячо привязаны к своим питомцам. Как писал один автор, специалист по японским спаниелям, «одиноким женщины часто обучали своих любимцев “остроумным” играм».

Как и многие проститутки во всем мире, обитательницы Ёсивара находились в плену всевозможных предрассудков, суеверий, верили в предсказания и в разные приметы. Слово *тя* («чай») таило в себе неприятности; предполагалось, что можно самой быть растертой в пыль, или потерять работу, поэтому его никогда не произносили.

Сидеть на ступенях было плохим признаком: можно было лишиться клиентов.

Никакое маленькое животное — птица, кошка, или собака — не могли пересечь комнату; их следовало немедленно изловить и отправить обратно по их же следам, приговаривая *гомэн кудасай* («Прошу прощения»).

Чихание было признаком многого: один раз — кто-то говорит о тебе хорошо; два раза — говорит плохо; три раза — кто-то в тебя влюбился; четыре раза — ты простудилась.

Поставить корзину на голову — стать ниже; наступить на свежий лошадиный навоз — выше.

Ребенок, нечувствительный к щекотке, вырастет глупым.

Очистить пупок от ниток и ваты — простудиться.

Воск в ушах улучшает память (вероятно, потому, что слышишь меньше того, что надо запоминать).

Кудрявые женщины развратны сверх всякой пристойности (и очень редки в Японии).

Гриб, помещенный на пупок, излечивает от морской болезни.

Если выпустить ветры, на какое-то время язык пожелтеет.

Плюнуть в туалет — стать слепой.

Тот, кто мочится на земляного червя, рискует получить распухший пенис.

Люди со сросшимися бровями долго не живут.

Чтобы охладить все тело обмахни веером ладони рук.

Непочтительное поведение вызовет появление заусениц.

В Ёсивара к нежелательным посетителям применяли определенное колдовство (по крайней мере, девушки клялись, что нижеследующее было действенно):

Взять *коёри* (скрученную бумагу, использовавшуюся в качестве лучины) и из нее свернуть фигурку собаки. Положить ее на шкаф или подставку для зеркала в комнате, смежной с той, где находится посетитель, повернув к нему морду животного. Шепотом спросить животное, чтобы то дало быстрый ответ: уйдет гость или останется.

Если кончики завязок поясной материи или накидки (*коси-маки*) окажутся завязанными в узел, гость уйдет немедленно.

Завернуть небольшое количество теплого пепла в кусок бумаги и поместить пакетик под ночные одежды гостя ближе к его ногам. Он уйдет немедленно.

Поставить веник в конце комнаты рядом с комнатой гостя и, положив рядом с ним сандалии, сказать шепотом: «Вот; пожалуйста, уходите быстрее». Он тут же уйдет.

Судьба японских женщин была нелегкой, однако, по крайней мере, в Ёсивара они получали несколько лет роскоши, «легкой жизни» и пусть даже намек на возможность романтических отношений. Все они верили в пословицу: **«Боги никогда не закрывают одну дверь, чтобы не открыть другую».**

На знаменитых гравюрах с изображением Ёсивара мы не наблюдаем фривольной элегантности женской ревности. Мы не слышим криков, звуков ударов, и лишь изредка ощущаем, что за решетками этих домов творится унижение человеческих существ. У нимфеток, маленьких служанок, населяющих произведения художника **Харунобу**, отсутствуют признаки упадочности, несомненно сопровождавшей их в реальной жизни *сирокуби* («белошеих»).

У них все же были свои маленькие победы, мгновения славы. Они бывали любимыми и желанными. И, через века, мы, ослепленные собственными ошибками и заблуждениями, только диву даемся: как же такая комбинация красоты, этикета и традиций могла основываться на полном отрицании наших стандартов поведения?

О темной стороне жизни Ёсивара практически ничего не писалось, за исключением упоминания о рабском положении женщин. Там были болезни, случалось много истерик и психических надломов. Есть упоминания о случаях бери-бери, вызванных нездоровыми привычками питания. Беспорядочная и беспутная жизнь приводила к туберкулезу и расстройствам пищеварительного тракта. Уровень сердечных заболеваний был высоким; алкоголь собирал свою жатву, отнимая красоту (а иногда и жизнь). Венерические болезни существовали и до того, как американцы открыли Японию миру в конце XIX в., однако их

количество взлетело до небес, когда моряки всех стран стали клиентами проституток. Реальные цифры трудно обнаружить даже в официальной статистике, так как японцы их занижали (подобно всем остальным странам, преуменьшающим количество военных потерь).

Медицинские записи больницы в Ёсивара от 1898 г. говорят, что 6,5% женщин страдали венерическими заболеваниями. Уровень таковых среди **дзигоку** (независимых и незаконных проституток) и **ётака** («ночных бабочек») неизвестен. Правила в Ёсивара иногда были строгими, а иногда не очень. Существовал хикэ или час закрытия, установленный на 22:00. Тем не менее, когда большие ворота, О-мон, закрывались на замки, гостей часто тихонько впускали через небольшую дверцу, прорезанную в воротах. В полночь стучали друг о друга прямоугольными кусками дерева, — предполагалось, что с этого момента Ёсивара была накрепко отрезана от мира. В один из периодов куртизанки были разделены на тех, кто принимал **хиру** (дневных) гостей и тех, кто принимал **ёру** (ночных). Предполагалось, что проститутки освобождались от «контрактов» в возрасте 25 лет, однако обычно по причине долгов им приходилось продолжать свои занятия до 27 — почтенного возраста на рынке плоти, требовавшем молодости и красоты помимо умения, костюмов, веселости и страстности.

Вот описание их жизни, данное, как считается, знаменитой куртизанкой **Хамаоги**, писавшей о себе:

”Итак, я была молода; я только еще начинала как куртизанка. Если гость был стеснительным, мы играли в игру под названием «голые островитяне», представляя тех существ, которых изображали на старых картах. Все куртизанки раздевались догола; в первый раз, когда я приняла участие в игре, то покраснела, и вся моя кожа стала розовой. Гости увидели это и более не стеснялись. С пресыщенными стариками, разумеется, гораздо труднее. Нам приходилось изображать крики летучих мышей, стуки деревяшками ночных сторожей. Мадам принималась напевать похабные «молитвы», читая поминальную службу по гостю, который сидел напротив живехонький. Вместо благовонных палочек мы жгли зубочистки. Затем мы кормили старика *нэриги*, приготовленным из розовой штокрозы, которая воспламеняет желание. Один из таких просил меня выйти за него замуж, однако брать ответственность скучно; жена должна чернить зубы, ее бьют бамбуковой палкой, к тому же рождение детей портит фигуру.

Мне нравятся визиты симпатичных молодых начальников. Самое лучшее — короткая жизнь и прекрасное тело; ублажить мужчину, развязать его пояс и скоро стать с ним **надзими** (близкой).”

Isoda KORYUSAI (1764-1788) - Loving couple

В этом описании проглядывает разновидность юмора отчаяния; хорошо представляешь себе этот круг удовольствий, игры с неблагодарными гостями, мертвенную рутину чувственной жизни, которая, в конечном итоге, приводила проституток к пьянству и мрачному мироощущению. Остается лишь догадываться — насколько вменяемы были эти женщины. Тем не менее, следует помнить, что большинство из них воспринимало свой образ жизни как часть их общей культуры.

Вначале проституткам не позволялось покидать Ёсивара; единственным исключением было появление в суде. Позже им стало разрешено бывать на праздниках. После 1829 г. обычай разрешать женщинам ходить любоваться видами цветущих вишен в Уэно, Мукодзима и Асукаяма вышел из моды. Однако, до этого они потягивали *сакэ*, сидя под цветущими ветвями в своих лучших нарядах. Возбужденные алкоголем и некоторой (кажущейся) свободой действий, они принимались танцевать и кричать.

Больные девушки могли выехать на носилках, называвшихся *каго*, для посещения доктора и для лечения. Храмовый колокол в Асакуса служил сигналом: им следовало вернуться в Ёсивара к 17:30.

Выпивки, беспорядочная жизнь, привычка к нерегулярности засыпаний и пробуждений, иногда — болезни, часто приводили проститутку к срывам. Если она была популярной и знаменитой, поразительно, до чего мог дойти ее владелец ради ее излечения. Он не только предоставлял ей лучшие врачебные услуги, но также перевозил к себе домой вне стен Ёсивара, зачастую — в пригород. Иногда он отправлялся в какой-нибудь известный храм, чтобы молиться о ее выздоровлении. В подобной жизни существовала своя извращенная, утонченная чувственность.

Девушки из домов средней руки и ниже, а также не пользовавшиеся особым спросом сталкивались с серьезными трудностями. Их «лечил» какой-нибудь коновал, их помещали в неиспользовавшемся чулане, и там они выздоравливали или умирали. Если состояние было совсем плохо, их отправляли к родителям, или к тем, кто был их продавцом (если таковых, разумеется, удавалось отыскать).

Если девушка умирала, и никто не забирал останки, ее хоронили на специальном кладбище для нищих и бродяг — Дотэцу. И, как пелось в старой песенке, «о ней, может, поплачет хоть одна молодая служанка».

Временами обыденным делом становились побег. Большинство беглянок были замешаны в любовных аферах и уходили на поиски своих любовников, или чтобы затеять какую-либо ссору с амурной подоплекой. Эти женщины были настолько одурманены сексом, что бросались иногда даже за малейшим признаком искренней привязанности, бывая очарованными единым добрым поступком. Они были сентиментальны, зачастую даже слишком.

Некоторые убегали, запутавшись в долгах. Поддерживать свои костюмы в должном состоянии было делом недешевым; многие, не представляя себе правил денежного обращения, попадали в силки займов и процентов по выплатам. В панике, когда долги росли не по дням, а по часам, они убегали из Ёсивара. Как ни странно, мы знаем мало случаев, когда они бежали от своей жизни и профессии; вероятнее всего, они чувствовали, что могут не оправдать оказанное им доверие: ведь многих в Ёсивара отсылали родители, находившиеся в крайней нужде, которых следовало поддерживать, чтобы хоть так компенсировать потерю близкого человека.

Бежавшая проститутка становилась объектом охоты на человека, организовывавшейся содержателем публичного дома, который посылал людей прочесывать город и окрестности. Мало было таких мест, где она могла бы найти прибежище. Полиция также помогала в поимке беглянок, так что мало кому удавалось скрыться. Пойманных приводили в Ёсивара, в то же заведение; стоимость охоты — всех взяток и выплат за ее поимку — добавлялась к

сумме ее долга. Также, подобно тому, как заключенному за побег добавляют срок, водворенной на место проститутке продляли период ее рабства.

Совершившую несколько побегов девушку обычно продавали в публичный дом вне стен Ёсивара, где жизнь была грубее, а надсмотр — более жестоким. Такой способ обращения с манкировавшими службой именовался *курагаэ*, «сменой седла». Ее хозяин предписывал определенное наказание и, как правило, осуществлял его. Однако никакой владелец никогда без нужды не станет портить свой товар.

С жертвами любви обходились более мягко, так как обычно они обнаруживали, что их любовник зачастую за взятку сам становился наводчиком для поисковой команды. Из романтических историй о беглецах—влюбленных самыми популярными были те, где говорилось о двойном самоубийстве (**синдзю**, букв. «внутри сердца»), совершавшемся, когда их загоняли в угол.

Лафкадио Хёрн писал о такой грустной стороне трагической любви:

”Любовь с первого взгляда реже встречается в Японии, чем на Западе, частично из-за особенностей общественных отношений на Востоке, а частично из-за того, что очень много грустных моментов избегаются ранним браком, устроенным родителями. С другой стороны, самоубийства от любви достаточно часты, однако их особенность в том, что они почти всегда двойные. Более того, в подавляющем большинстве случаев их следует считать результатом неверно выстроенных отношений. Тем не менее, есть исключения, выделяющиеся своей храбростью и честностью; обычно такое происходит в крестьянских районах. Любовь в такой трагедии может возникнуть совершенно внезапно из самых невинных и естественных отношений между мальчиком и девочкой, или может начаться еще в детстве жертв. Однако даже тогда сохраняется весьма определенная разница между западным двойным самоубийством из-за любви и японским **дзёси**. Восточное самоубийство не есть результат слепого, мгновенного решения избавиться от боли. Оно не только холодное и методичное, оно сакраментальное. Собственно, это — брак, свидетельством которого является смерть. Они дают друг другу обет любви в присутствии богов, пишут прощальные письма и умирают.

Никакой обет не может быть более глубоким и священным, чем этот. Поэтому, если случится, что посредством какого-то внезапного внешнего вмешательства, или усилиями медицины, один из них оказывается выхвачен из объятий смерти, он становится связанным самыми серьезными обязательствами любви и чести, требующими от него уйти из этой жизни при малейшей представившейся возможности. Разумеется, если спасают обоих, все может закончиться хорошо. Однако, лучше совершить любое жесточайшее преступление, караемое пятьюдесятью годами заключения, чем стать человеком, который, поклявшись умереть с девушкой, отправил ее в Светлую Землю одну. Женщину, уклонившуюся от исполнения своей клятвы, могут частично простить, однако мужчина, выживший в **дзёси** из-за внешнего вмешательства и позволивший себе продолжить жить далее, не повторяя попытки, до конца своих дней будет считаться предателем, убийцей, животным трусом и позором для всей человеческой природы.”

Возможно, о таком выжившем говорится в народной песне:

Я сижу дома
В нашей комнате,
Глядя на нашу спальную циновку,
На твою подушку.

Наиболее знаменитая пара влюбленных—самоубийц обрела бессмертие в 1703 г. в пьесе «Влюбленные—самоубийцы в Сонэдзаки», которую написал **Тикамацу Мондзаэмон**. Это были мелкий чиновник Токубэй и обычная проститутка Охацу, убившие себя на территории храма Сонэдзаки. Эта пьеса для кукольного театра в стихах имела колоссальный успех в театре Такэмото.

Самоубийство, разумеется, не считалось в Японии грехом, и со временем оно превратилось в разновидность традиционного поведения, высоко ценимого читателями грустных романов и пьес, заканчивавшихся трагически, как и большинство любовных историй. Художники Ёсивара, обслуживавшие куртизанок и гейш, часто запечатлевали знаменитые пары, бросающиеся в воду с моста или в кратер горы Фудзи в объятиях друг друга. Существовал разработанный ритуал, который ни один хорошо воспитанный самоубийца не вправе был игнорировать. Главное — этикет.

Инадзо Нитобэ, автор книги «Бусидо, дух Японии», писал, что у появлявшейся на людях женщины «за пазухой всегда был спрятан кинжал» и, когда она была готова расстаться с жизнью, «если позволяло время, женщина сперва должна была связать вместе накрепко колени и лодыжки одним из небольших и многочисленных шнурков, являвшихся частью ее одежды, с тем, чтобы они оставались в пристойном положении во время конвульсий, сопровождающих предсмертную агонию. <...> Более того, ее учили — куда точно ударять себя в горло и в грудь. <...> Возможно, это был единственный урок анатомии, который получали девушки в старые времена».

В последнем позволено усомниться, так как и куртизанки, и даже самые низшие проститутки были детально информированы относительно человеческой анатомии.

Для мрачного, отчаявшегося японского влюбленного нетрудно было уговорить своего сексуального партнера — постоянную возлюбленную или наложницу — совершить самоубийство. Как кто-то заметил, «японцы обычно определяют женственность в терминах подчиненного поведения». Как на *футон*, так и в самоубийстве желания мужчины удовлетворялись в первую очередь.

И те, кто придет после меня,
Да избегнут они
Моего пути любви...

Хитомаро

Для любящих существовали и другие популярные способы покинуть этот мир вместе: например, броситься со скалы, обняв друг друга — это был «хэппи-энд» для многих читателей популярных романов с глазами на мокром месте. Любовь благороднее судьбы, которая ее разбивает.

Если общество гейш и куртизанок часто называлось «плывущим миром», о жизни куртизанок говорили также, как о *кугай* («мире страданий»).

Негодующие же комментарии из внешнего мира для японцев представляли мало интереса. Они воспринимались как лицемерное благодушие наций, для которых белое рабство стало процветающим бизнесом. Англия экспортировала девочек в гнезда разврата по всей Европе и арабским сладострастникам, тысячами — в Южную Америку, и почти никакие законы не могли поколебать эту торговлю, пока реформаторы не пробили для девушек систему свободного найма.

Обхождение с женщинами и детьми, при котором их калечили и обирали, было позором для «цивилизованных» стран, и даже российский царь освободил своих рабов-крепостных (хотя бы на бумаге) за год до того, как это сделал Линкольн. Гомосексуальные скандалы потрясали британское, германское и американское общества. Существовавшие под покровом строгой вежливости, условия широко распространенного порока в Европе совершенно отличались от соответствующих в Японии, где все было выставлено напоказ в Ёсивара, «распущенная» жизнь которой являла собой общепринятую традицию. Мужчина в Японии стремился быть повесой, потребителем *сакэ*, вольно ведущим себя в определенной среде, где такому поведению выдавалась полная лицензия. Надо было быть богатым, или, по крайней мере, пойти на определенные финансовые затраты, чтобы получить лучшее из предлагаемого, однако в качестве вознаграждения там исполнялась любая фантазия, любое желание. Мужчина считался высшим существом, однако все мужчины там были равны — от торговца

до самурая, до тех пор, пока имели наличные. Немудрено поэтому, что на гравюрах это состояние называлось *укиё-э*, «картинками из плывущего мира».

Человек самой низкой социальной позиции, самый уродливый, самый презираемый, если недостаток приводил его в Ёсивара, мог снять целую улицу чайных домов и кутить со своими друзьями в этой нирване алкоголя, плоти и чувственности. Он «правил» там, покупая женщин, *сакэ*, музыку гейш, жесты и неприличные истории, покуда не кончались деньги. Это не было тайным наслаждением; он не выбирался тайком из дома, чтобы погрешить, дрожа от страха. Там были рады всем: *хатамото* (высокопоставленным чиновникам сёгуната), самураям, игрокам, рисовым спекулянтам...

Иерархия продажных женщин поднимала мужчину настолько высоко, насколько это позволял его кошелек. Он мог купить себе путь за границы прекрасных раскрашенных кимоно, цветных поясов и тонких кружевных нижних одежд. Он мог прикоснуться к обнаженной плоти, ласкать белую шею, простираться в различных чувственных позах, быть удовлетворяемым любым действием, — нормальным или (считаемым некоторыми) ненормальным.

Мужская компания в Ёсивара была хороша: художники, актеры, писатели фривольных повестей, драматурги, постановщики диких пьес Кабуки, торговцы и администраторы. Все приходили туда провести ночь за выпивкой, смехом и в экзотической женской компании. Неудивительно, что истории о Ёсивара распространились по всему миру. Рассказы о ее чувственной роскоши становились легендами как в конце, так и после эпохи Токугава.

Женщины веселых кварталов в Эдо были ничем не хуже, а, скорее, — гораздо лучше проституток западного мира. Стоит лишь прочесть «Молл Фландерс», «Фэнни Хилл», или ужасные детали «Моей приватной жизни», чтобы увидеть, что японцы были гораздо честнее в своем широко открытом подходе к сексуальным отношениям, как биологическому удовольствию вне дома и жены. Наши предшественники XIX в. притворялись, что такового не существовало, а, если и существовало, то представляло собой нечто отвратительное и презираемое. Цари, короли, герцоги и большинство представителей «аристократии», средний класс и нувориши развлекались со шлюхами. И, что еще хуже, ханжеские и благочестивые лозунги полоскались над выгребными ямами полузакамуфлированных пороков времен правления королевы Виктории, Александра I и президента Гранта.

Наши идеи морали основываются на пуританской концепции секса, пронизанной чувством вины. Они не приготавливают нас к восприятию японской морали, состоящей из преданности семье, почитания предков и лояльности богу-императору. Сексуальная сдержанность не имеет ничего общего с их моралью. Японский мужчина был сексуально свободен и лишен барьеров чувства вины, или морального осуждения.

Каждая проститутка, независимо от ее положения, знала, что, в качестве верующей синтоистки, она состоит в родственных отношениях с императорской фамилией. Император же, как учила ее синтоистская теология, есть прямой потомок Богини Солнца. Права его божественны, а не просто придуманы мужчинами, поэтому женщина может чувствовать себя комфортно в его правлении.

Как писал один автор древности, «Богиня Солнца оставила своих потомков править нами вечно, как в этой, так и в загробной жизни. Это действительно лишь для нашей страны, и нигде в зарубежье мы не найдем ничего подобного. Вот почему наша страна именуется Божественной».

Дзэнские элементы обнаруживаются в странных местах. Мало кто отмечал, что подобные церемониальные аспекты воспринимались проститутками и гейшами как образ жизни. Они украшали свое существование неким искусственным дзэном в музыке, пении, исполнении чайной церемонии, принятии пищи, походке и одежде. Можно почувствовать, что сами костюмы и стили причесок возникли из дзэнских идей.

Они, разумеется, не были горячими приверженцами дзэнского учения; они не читали и не исследовали текстов дзэнских учителей. Однако женщины предлагали свою плотскую чувственность и известные услуги определенным способом, в причудливо переплетавшихся ритмизированных формах, совершенно отличных от грубой, брутальной прямизны синтоистских моделей, или даже тех, что были приняты в иных буддийских школах.

Антропологами уже давно отмечалось, что один и тот же культ оказывает различное влияние на разные ответвления замкнутого социума. Так что, если погруженные в адюльтеры придворные дамы временами играли в монахинь, то проститутки и служанки в публичных домах и чайных домиках присваивали себе манерность великосветских дам.

В конце XIX в. в Японии жил **Якумо Коидзуми**, по первому имени — Лафкадио Хёрн, писатель, американец, мать которого была гречанкой. Он долго бродил по миру, покуда не прибыл в Японию, принял японское имя и, избегая наложниц, взял себе японскую жену, от которой имел детей. Он одевался, ел и жил как японец. В качестве писателя он собирал местные сказания, писал об островах, исследовал Ёсивара, однако не вдавался в детали. Он обратился в буддизм и, возможно, лучше многих японцев понимал трагизм внутренней жизни гейш и проституток.

В 1878 г. он писал:

”У каждого есть своя внутренняя жизнь, невидимая чужому глазу, свои великие тайны, которых никто не узнает, хотя иногда, когда мы создаем что-то прекрасное, мы на короткое мгновение приоткрываем это, подобно двери, немедленно захлопывающейся на ночь.”

Он понимал спокойную улыбку проститутки за дверями Ёсивара, держащую свое внутреннее «я» отдельно от своих обязанностей. Он чувствовал, что от Будды она получила «высшую истину, когда-либо передававшуюся человеку: тайное единство жизни».

Хёрн обнаружил в буддизме схожесть теории наследственности, эволюции и учения о карме, или переселении характера. Им утверждалось, что в человеке существуют непобежденные инстинкты зла, поскольку он связан с обладавшими ими предками. Как это помогало и проституткам, и гейшам, сталкивавшимся с миром, построенным по такой схеме, от которой невозможно было бежать!

Все травы в поле
Вырастают и вянут одинаково.
Рано или поздно каждый
Придет к своей осени.
— из народной песни

Как об этом говорил Хёрн, ”все наши эмоции, мысли и желания, как бы они ни изменялись и ни вырастали в различные сезоны жизни, являются всего лишь композициями чувств, идей и устремлений других людей, в большинстве своем уже умерших. <...> Неопровержимо то, что в каждом индивидуальном мозгу заключена унаследованная память совершенно неисчислимого количества опытов, полученных от всех мозгов своих предшественников. “

Неудивительно, что Хёрн, подобно проституткам и прочему люду из Ёсивара, любил страшные истории о призраках, о мирах, проявляющихся лишь намеками, отчего кажется, что наш нынешний мир весь усыпан розами.

Мода у женщин

Какими бы они предстали перед нами, эти знаменитые женщины? Шокирующими — прежде всего из-за своей косметики. Журналы мод прошлых дней были просто загипнотизированы стилизацией лиц и тел гейш и куртизанок. На их страницах мы прослеживаем созданные ими же мифы, — хотя многое из сказанного было истинным.

Мистическая элегантность мелочей, стилизованные жесты, странная скользящая походка. Интенсивное демонстрирование вежливой воспитанности, выстроенной в соответствии с тщательно выработанным в древности намерением обрести высшее удовольствие в искусственности. Макияж гейши — это маска, скрывающая действительное за неким экраном; традиционный парик, огромный, тяжелый, сложный. Слои величественных шелковых кимоно — сияющих и сверкающих. Тончайший, бледнейший оттенок розового у тела; далее — красный, затем разновидность желтого и красного, бледная слива и черное, парча, закрепленная зеленым оби и алым шнуром.

Это — картина в преувеличенных цветах, однако столь много в ней декоративного, столь много — от традиционных цветов и тканей, что за

ними иногда трудно разглядеть индивидуальность. Образ девушки из Ёсивара, представляемой гостям, являет своего рода картину.

«Создание» лица и головы куртизанки и гейши представляло собой долгий и сложный процесс, столь же ритуализированный, как синтоистская молитва. С отмытым лицом девушка садилась перед целой батареей зеркал и исследовала свои черты. Сперва она наносила базовый слой из масла камелии, затем — полумаску из розовой нижней грунтовки. Токийские гейши накладывали белое на розовое; гейши из Киото начинали с белого, а розовый добавляли позже. Маска быстро твердела, поэтому требовалось проворство рук. Свежей, плоской кистью все растиралось так, чтобы выглядело, как слоновая кость, и нигде не проглядывала настоящая кожа.

Далее следовала кисть для румян вокруг глаз и для создания кукольно гладких щек. Брови и ресницы очищались влажным полотенцем перед тем, как их окрашивать. С помощью хлопчатой пуховки наносилось некоторое количество белой пудры, которая покрывала все. Затем шел черед небольшого рисования с помощью черного карандаша: создавалась иллюзия наличия коротких бачков. Брови рисовались очень красными, затем покрывались черным, так чтобы проступала лишь ниточка красного цвета. Рот оставался маленьким, невыразительным, начертанным ярким вермилионом. Глаза также очерчивались красным с помощью тонкой кисти; поверх проводилась новая линия черной сажей. Много материала белой маски накладывалось на горло, грудь и основание шеи — столь фетишизированное в мужском представлении место, которое японцы считают самым прекрасным и соблазнительным. Наконец, добавлялся сложный черный парик — лакированный, с драгоценными украшениями и многочисленными шпильками.

Популярная японская книга о модах в Ёсивара, датированная 1791 г., позволяет нам детально взглянуть на стили и облики великих куртизанок.

Верхняя одежда состояла из белого нанакко с изображением пурпурных облаков, среди которых проглядывали некие фактурные узоры. То там, то здесь были вышитые шелком цветы, подкрашенные еще и от руки и представленные в ярких красках четырех времен года, а плюмаж состоял из цветка глицинии, вшитого в платье пурпурной шелковой нитью. Нижняя одежда состояла из фигурного сатинового платья, отороченного простым коричневым шелком Хатидзё и вышитым теми же цветными

шелковыми узорами, а также из более низкого пояса из багряного набивного сатина, разлинованного ярко-алым шелковым крепом. Приводя пример красоты и высокой стоимости ночного халата одной из молодых дам, Кэйсэй-кай Сидзюхаттэ («Сорок восемь способов покупки куртизанок») замечает, что «одеяние было из алого крепа с пурпурным набивным сатином по кромке и золотыми и серебряными нитями по краям, создававшими эффект волн, разбивающихся о берег, тогда как ее ночной пояс был из кабэ-тёро (складчатого шелка)». Узор сикакэ, или плаща обычно представлял собой облако с молнией и золотым драконом, либо скалы с пионами и тигра, гонящегося за бабочкой; вышивка была золотой или серебряной.

То, что одеяния *дзёро* в поздний период были яркими и пышными, ясно видно из гравюр Утамаро, Эйсан, Кунисада и других. В то время в каждом «веселом доме» существовали фиксированные правила относительно материала, способа пошива, цветов и узоров для одежд, носимых определенным разрядом женщин, и этим правилам строго следовали. Таким образом, никакой проститутке не разрешалось одеваться во что-либо, несоответствующее ее рангу, даже если материально она и могла себе это позволить.

Популярный писатель XVII в. Сёдзан детально описывает костюм своей главной героини, а также те места, где она надевает его:

Величественность ее одеяний превосходит возможности почти любого описания. Ее платье состоит из долгой накидки из парчи с богатой вышивкой. На голове ее — орнамент из ослепительно сверкающих шпилек (сделанных из лучших черепаших панцирей), ярко поблескивающих вокруг его головы, подобно ореолу святого; ее восхитительная красота такова, что один взгляд на ее лицо пленяет душу навеки. <...> С помощью этого описания легко себе представить опрятность ее жилища, со вкусом произведенный подбор мебели и изысканную элегантность ее индивидуальных привычек. Каждая ойран класса ёбидаси в сумерки непременно выходит пройтись по Нака—но тё. Ее сопровождают две камуро (молодых прислужницы), две взрослые служанки (синдзо), мужчина с фонарем в коробке (хакодзётин), другой мужчина с зонтиком на длинной ручке и пожилая женщина (яритэ) — компаньонка.

Эти женщины относятся к домам хаммагаки. Их дневные часы работы — с 12 до 4 часов пополудни; вечерние — с заката и до полуночи. <...> Одежды у них в основном из бархата, крепа, простого и набивного сатина (хабутаэ), пояса (оби) — из золотой парчи, бархата, «дамасской» ткани и проч. В распоряжение каждой девушки предоставляются пара комнат площадью в восемь циновок каждая.

Их футон [разновидности мягкого матраца] из бархата и «дамасской» ткани [плотно набитые, толщиной до 20 см], сверху их покрывают специально сотканным крепом, и у каждой женщины есть два таких футон. Используемые ночью покрывала — из черного бархата с добавленным красным крепом.

А вот — описания одежд нескольких гейш, которые приводит Тамэнага Сюнсуй в «Сливовом календаре любви»:

На ней одежда в серую полоску из плотного шелка уэда, а пояс двусторонний, как окрас кита: с исподу жатый креп, а налицо черный с фиолетовым шелк «ивушка». Нижние одежды темно-синего атласа с некрупным узором. <...>

На ней яркое верхнее кимоно из шелка с рельефной полоской, по которому пущен узор: бабочки с поднятыми крыльями. Нижнее кимоно с крупной набивкой по мышино—серому фону фиолетовым — гвоздики, вписанные в ромб, по четыре в каждом. Ворот нижнего кимоно узорчатый: алым по белому тончайшими линиями каллиграфические знаки. На рукавах узор из белых пятнышек как спинка олененка, только фон пурпурный. Широкий пояс оби — из черного бархата, на подкладке алого шелка ямамаю. Сверху талию подчеркивает пояс поуэ, украшенный броским узором «цепочка», цвета — бежевый и серо-голубой. Этот поясок отделан еще и золотым галуном, ровно такой ширины, как требует мода. <...>

На вид она — живое отражение великого актера Хамамурая. Волосы ее разделены на две части и уложены в прическу варигарако, к лицу ей и дорогие заколки. Шея ее белее снега. Очищенное лучшими снадобьями, лицо лишь слегка тронута гримом и белилами сэндзёко — это выглядит особенно утонченно. На ней белое ночное одеяние с каймой из заморского ситца, оно перехвачено узким пояском из черного бархата и шерсти золотисто-чайного цвета.

Гейше или проститутке, собирающейся на вечеринку, праздник или просто на прогулку, помогали маленькие служанки с должным *энрё* (почтением), так как облачиться в одежды или праздничное *кимоно* было серьезной задачей для экспертов по собиранию в складки и завязыванию (пуговиц там не было вообще).

Старая инструкция по правильному способу одевания начинается так:

Сперва надевается белая нижняя рубашка и белая шелковая рубашка. Затем — белые носки. Нижние одежды завязываются на талии поясом и нижним шарфом. Набрасывается накидка, правый полог заправляется под левый. Она плотно завязывается поясом, чуть ниже талии.

Обдерните накидку, чтобы край лишь немного закрывал пятки. Далее, завяжите другой пояс выше талии и оберните нижний шарф вокруг талии. Теперь возьмите широкий оби; оберните его вокруг талии дважды, завяжите его концы сзади, чтобы длинный конец оказался выше узла, а короткий — ниже. Крепко затяните. Сложите длинный конец через турнюр оби, завязанный в турнюрный шарф, и завяжите концы последнего спереди, заткнув концы сверху оби. Сложите длинный конец оби внизу в виде трубки, заткните короткий конец оби в образовавшуюся трубку. Очень крепко закрепите все получившееся поясом оби; соберите его концы спереди и плотно свяжите их.

Так как ранние свободные одежды со временем превратились в плотные *кимоно*, среди куртизанок, гейш и высородных дам возник определенный тип ходьбы. Один из ранних американских наблюдателей, Таунсенд Харрис, писал: «Она семенит, как если бы ее ноги были связаны в коленях». У куртизанок была особая походка, называвшаяся *нукиаси тю-бинэра* — «грациозный шаг с покачиванием бедрами в чувственном движении».

Женщины ходили на деревянных платформах, называвшихся *гэта* (некоторые были до 15 см в высоту и при ходьбе куртизанка часто нуждалась в поддержке двух служанок). *Гэта* для дождливой погоды (*асида*) были от 5 до 10 см высотой. В старину к ним приделывался сучок, чтобы ступня не скользила, потом стали приделывать «уздечку». Особо искусные гейши могли исполнять своеобразный степ-данс, постукивая *асида* при своей семенящей походке.

Тела японок в восприятии европейцев (возбуждавшихся от крупных, выдающихся грудей) несколько миниатюризировались. У японских женщин есть грудь, но она невелика, как у греческих статуй, и часто совершенна по форме. Обычно у них короткие ноги, однако, поскольку дома, мебель и их одежда именно и приспособлены под такую разновидность фигуры, соблазнительный силуэт островной девушки может быть столь же привлекательным, как любой европейской или американской женщины, если только не быть привязанным к нелепому образу, идолизированному западными средствами массовой информации.

Кожа японской девушки может быть белой, как яичная скорлупа, или розовой, как у норвежской блондинки; она может быть чайного цвета, цвета красного дерева, или любого промежуточного оттенка. Поскольку лицо, руки и ладони обычно покрывал толстый слой макияжа, это не имело большого значения, так как артистка или куртизанка появлялись перед гостями в своих

картинных одеждах. Они демонстрировали загадочную таинственность и утонченность манер.

Подчинение женщин мужской эмоциональности и физическим нуждам, их поклоны и коленопреклонения, тугие завязи шарфов и поясов были отличительной чертой красавиц Ёсивара. Жутковатый белый макияж, покрашенная в белое шея (иногда даже вычерненные зубы), замотанная маленькая грудь, становящаяся невидимой под многими слоями шелка, — все это было частью японского вожделения. Частое вставание на колени формировало широкие лодыжки и создало расу женщин с искривленными ногами. Длинные прямые ноги воспринимались в старой Японии как признак варварства.

В повести Танидзаки Дзюнъитиро один из его персонажей описывает женские ноги так: «Ее ноги выпячивались у икор, а щиколотки были не особо тонки. Однако мне всегда нравились немного искривленные ноги старомодных японских женщин более, <...> чем стройные западные ноги, те, что в моде. Меня не интересуют эти ровные трубы».

В ранние времена куртизанки из Ёсивара представляли в парчевых костюмах, простроченных золотом и серебром, в красном крепе, называвшемся *хидзири-мэн*, и с большим оби (шарфом), завязанным спереди. Гейши завязывали оби сзади, так что отличить их можно было с первого взгляда.

Шелк украшался фигурками и предметами; тонкие шеи покрывали сатиновые воротники. Костюмы куртизанки высокого класса могли завоевать воображение даже богатого человека. Время от времени вводились ограничения на пышные убранства девушек. В 1617 г. в одном из таких законов говорилось: «Проституткам запрещается носить одежду, вышитую золотом и серебром, но — лишь из обычной покрашенной ткани».

Разумеется, эти постановления быстро забывались. В моде были набивной сатин, небеленый китайский шелк (эпонж), золото, серебро и фантастические украшения. В записях о моде упоминаются белое набивное шелковое белье, нижняя одежда из красного материала с точками, другое одеяние сверху него из небесно-голубого шелка. В моду входили пурпурные плащи. К XVIII в. куртизанка по имени Сигасаки ввела в моду оби почти метровой ширины, завязанного столь радикальным образом, что часто оставалась видимой лишь голова его обладательницы.

В 1795 г. правительство вновь ввело ограничения на моду для проституток, где говорилось о типе одежды, размерах плюмажей и других чрезмерностях. Женщины всегда игнорировали такие законы. К тому времени роскошество одежд обитательниц «веселых кварталов» стало просто умопомрачительным. С эры Анъэй и до эры Бунсэй (1772–1829) для моды не было ничего невозможного, а художники-граверы создавали свои лучшие произведения в сериях «Красавицы Ёсивара». Бархат, все виды простого и набивного сатина, креп, золотая и серебряная парча, «дамаск», — все разрезалось и сшивалось в фантастических формах. Цветоряд был раздвинут, и модницы более не следовали заданному направлению, но пытались превзойти друг друга в роскоши и великолепии.

Книга того периода «По ту сторону парчи» дает некоторое представление об амплитуде всего показного: рост проститутки увенчивался ошеломляющей прической, какие носили придворные дамы и женщины высшего класса, которые еще надо были посоперничать с привлекательностью яркого великолепия опытности популярной куртизанки. Ни одна из знаменитых *бэппин* (красавиц) не могла не прибегать к услугам парикмахера. Самые первые картины с изображением красавиц XVII в. показывают, что в моде было носить длинные волосы, свисавшие вниз по спине. Позже их просто собирали на макушке в черные извивающиеся пучки. Черепашьи гребни, настоящие или искусственные, поддерживали прическу, а красные гребни делались из клюва зимородка.

Банная проститутка по имени Кацуяма была, как считают, первой, кто ввел в моду специальную прическу, при которой волосы завязывались сверху кольцом, стягивавшимся белым шнуром, — этот стиль получил название *кацуяма-магэ*.

Один стиль сменял другой; назовем лишь несколько: *кэйсэй–симада*, *кинсёдзё–бин*, *нака–бин*, *татэ–бёго*, *суми–симадо*, *тясэн–магэ*. Существовали сотни других. Основными отличиями были волосы в виде крыльев, наклонно понижающиеся, увеличенные, подвязанные лентами, уложенные с гребнями, бамбуковыми шпильками, а одно произведение искусства, глянцевито отблескивавшее лаком, являлось слоновьим пометом, за бешеные деньги привезенным из Индии. В ранний период использовались лишь растительное масло, и даже мех красного медведя служил основой, по которой рассыпались настоящие волосы (на Западе это называлось «ондатра»). Подо всем этим на лице рисовались полукруглые брови, называвшиеся Трехдневной Луной.

Вскоре (около 1780 г.) появился большой спрос на профессиональных парикмахеров, и вскоре у дам, гейш и проституток был свой любимый мастер.

Часто куртизанки и их возлюбленные зашивали свои любовные письма в оби или в одежду, как память о счастливых моментах. Многие из этих текстов были о *хана–ики–сэвасйки* (оргазме), буквально — о «ловле воздуха через нос».

Две знаменитые гейши

Настоящая история о Мадам Баттерфляй началась в 1902 г., когда американец Джордж Морган — близкий родственник большого любителя женщин и мультимиллионера Пьерпонта Моргана, высадился в Японии. Он бежал от разбитой нью-йоркской любви, и Япония предложила ему замену. На представлении «Мияко Одори» в театре гейш он встретил двадцатидвухлетнюю Оюки – гейшу с четырнадцатью лет, искрившуюся блистательной красотой.

Джордж влюбился снова, внезапно и по-сумасшедшему. Через переводчика он высказал свои чувства, однако Оюки, сама влюбленная в студента Императорского Университета Каваками, ответила вежливым отказом в стиле «нет–большое–спасибо–Морган–сан». Хоть и сам Морган, а для нее он был не более чем «белым дьяволом–варваром».

Влюбленный Джордж не сдавался, но продолжал говорить о своих чувствах и даже выучил несколько выражений из японской любовной лексики и кое–какие стихи. Его дядя Пьерпонт никогда не сталкивался с подобными трудностями в отношениях с женщинами. Однако Оюки со своей женской элегантностью была

тверда: она не станет его содержанкой, и, пожалуйста, перестаньте появляться рядом со мной — это очень раздражает! Ее отказ был вежлив, но тверд.

В это же самое время родители Каваками, ее возлюбленного студента, из слухов узнали о том, что он увлекается гейшами, и перестали выдавать ему содержание, а других доходов у парня не было. Похоже, дела шли к заключению соглашения о романтическом двойном самоубийстве влюбленных.

Однако Оюки была практичной и способной к самопожертвованию. Для спасения карьеры студента она полностью приняла в свою жизнь Джорджа Моргана, как официального любовника; сам же Джордж, как считается, ничего не знал о том, что его подарки и деньги

шли на содержание в учебном заведении Каваками, которого хорошо одевали, сытно кормили и, можно с уверенностью сказать, — неплохо любили.

В 1903 г. Каваками, теперь — выпускник университета, уехал из города, не позаботившись даже о том, чтобы попрощаться с Оюки. Та пыталась отыскать его, чтобы просить и умолять взять ее хотя бы наложницей, но все было тщетно, и она предалась отчаянью.

Тем не менее, вскоре долг японской женщины призвал ее перенести свое внимание на Джорджа Моргана. Она пользовалась им, играла с ним в любовь, была ему неверна, и теперь сочла своим непреложным долгом (кодекс гейши) воздать ему за прошлое. Сделав несколько реверансов вежливости, она приняла его предложение, которое он терпеливо повторял уже долгое время.

Для скорой женитьбы возникли, однако, некоторые препятствия: Оюки была рабыней, жившей по контракту адамантной твердости, в соответствии с которым она еще долгие годы должна была провести в квартале гейш. Дому Морганов удалось выкупить Оюки за 40 000 иен, причем в японской среде преобладали смешанные чувства в отношении показушности белого дьявола, и Оюки пришлось отказаться от японского гражданства. В январе 1904 г. Джордж и Оюки были обвенчаны слегка подпоенным чиновником американского консульства в Кобэ (этикет запрещал проведение полной официальной церемонии).

У жениха и невесты все еще сохранялись трудности в общении, однако на медовый месяц в Нью-Йорк переводчик с ними не поехал. Во время долгого переезда по морю до Америки Оюки, обладавшая природной способностью приспосабливаться, взяла несколько уроков западных застольных манер и ведения домашнего хозяйства.

Дом Морганов на Уолл-стрит, Асторы, Гоулдзы, Вандербильты — все социальные круги, к которым принадлежал Джордж — отвергли смешанную пару (хотя предки их самих и были выходцами из низшего крестьянства и мелких разносчиков, — высшее общество, основанное в Америке мехоторговцами, жестянщиками, парнями с шаланд и барж). Оюки не приглашали на балы к миссис Астор, а имя Джорджа исчезло из «Социального Регистра». Уже через год такой совсем не идиллической жизни пара вновь оказалась в Японии.

То был 1905 год, шла война с Россией, и «белые варвары» были в стране отнюдь не в почете. Антизарубежные чувства вызывали волнения на улицах. Оюки пришлось переносить агрессивные нападки, ее приравнивали к собакам, ставили ниже самой распоследней проститутки.

Буквально через несколько дней они ощутили, как японцы воспринимают их брак, поэтому — ничего не поделаешь — им пришлось уехать, и они, наконец, осели в Париже, где приобрели собственный дом. Похоже, последовавшие десять лет оказались для них счастливыми. Оюки пришлось столкнуться с ужасами корсетов, чужеродной пищи и изоляции, когда «лучшие люди» навсегда отвернулись от «неудачной партии» Моргана. С лиц нашей пары исчезло выражение ожидания; они были счастливы вдвоем. Оюки научилась хорошо играть на пианино, однако мы не знаем — какие мелодии были ее любимыми (хотя, разумеется, не из «Микадо» или «Мадам Баттерфляй»).

В 1914 г. их приватный мирок рухнул: немцы стояли у Марны. Первая Мировая война изменила денежные рынки, на которых основывалось состояние Джорджа. Для того, чтобы принять участие в разрешении серьезных деловых проблем, ему пришлось ехать в Соединенные Штаты. Оюки, сдержанная и одинокая, осталась ждать в Париже в большом пустом доме, глядя на свое пианино. Германские подлодки правили бал в Атлантике, и Джорджу, гражданскому лицу, трудно было вернуться из Нью-Йорка к своей жене в Париж, поскольку Франция была охвачена войной. Однако, упорный в своем намерении, он провел месяцы в странных зигзагообразных переездах. К 1916 г. ему удалось добраться до Испании, однако воссоединиться с ожидавшей Оюки ему было не суждено. Джордж Морган, усталый путешественник, внезапно умер от сердечного приступа в ходе этой капризной драмы.

Трагически терпеливая Оюки распорядилась насчет кремации тела и после окончания войны пустилась в грустное обратное путешествие, чтобы вернуть прах Джорджа его почтенному семейству, исполняя свой последний долг вдовы.

Война изменила многое в отношениях в обществе. Завещание Джорджа сделало ее очень богатой женщиной; она послала за своим пианино и поселилась в прекрасных нью-йоркских апартаментах. Она играла на многих вечерах, и знатоки уверяли, что она являлась блестящим исполнителем со все еще грациозной и впечатляющей осанкой.

Прошли годы; разразилась Вторая Мировая война с ее Перл–Харбор и двумя атомными бомбами, сброшенными на невинные сотни тысяч граждан. До Оюки донесся зов родины, как к леммингу от моря; она захотела видов, запахов и языка ее детства, юности, дней и ночей, проведенных в облике гейши; не ярких и разгульных времен, но цветов и обликов детских дней.

Она решила возобновить свое японское гражданство. Она вернулась на место своего рождения и увидела сгоревший Токио и сровненные с землей города и поселки.

Ей было уже далеко за семьдесят; почти полвека прошло с той поры, как она видела Японию в последний раз. И здесь, перегруженная столь многочисленными напластованиями памяти о местах, о любви, потерянной вместе со студентом Каваками и найденной с Джорджем Морганом, она, гейша, стала ждать последний объятий времени.

Насколько лучше эта история оперы Пуччини с ее сентиментальностью...

Самая знаменитая из великих гейш современности, чья история еще недавно будоражила Японию, умерла в 1948 г. В то время она являлась буддийской монахиней Мёсё, однако в качестве гейши ее звали О–кои (Карп), — имя, данное в начале ее ученичества. Карп высоко почитаем в Японии за чувственную грациозность и яркую расцветку.

Мать О–кои нарушила ритуал и традицию, выйдя замуж по любви, а не в соответствии с требованиями семьи. В результате ее постигла страшная бедность, дела пришли в полное расстройство, а милая О–кои в возрасте четырех лет была отдана в приемные дочери хозяину чайного дома (тогда ее звали Тэру). Хотя приемные родители очень ее любили, однако, когда ей исполнилось семь, судьба привела к разорению и их, и они стали слугами у некогда знаменитой гейши.

Той понравилась живая, смышленная девочка, и она начала учить ее как гейшу: чайной церемонии, танцам, пению и аранжировке цветов. В 1883 г. О–кои в возрасте тринадцати лет вошла в знаменитый дом гейш Омудзя в районе Симбаси и получила свое громкое имя. Она была способной ученицей, сообразительной и с чувствительным, капризным характером.

В качестве начинающей гейши ей пришлось занять пятнадцать иен для покупки одежды и принадлежностей. Девушка, возбужденная присутствием гостей: богатых торговцев,

известных политиков, военных и чиновников, приходивших к ним в дом развлекаться, уже знала, что станет знаменитой гейшей. Она веселила гостей, очаровывала великих своими песнями и танцами, играла на сямисэне, подливала сакэ и повторяя не вполне приличные жесты.

Жизнь гейши была недешевой, так что от нее ожидалось, что она найдет себе покровителя, богатого любовника. В восемнадцать О-кои выбрала Ядзима Хэйдзо, весьма преуспевавшего биржевого игрока — уже немолодого, однако интересовавшегося приятным времяпровождением, который определил свою позицию, подписав контракт (практичный человек), в соответствии с которым брал О-кои в наложницы (или, как мы бы выразились, дамой на содержании).

В качестве дара от него она получила собственный чайный дом и своих дорогих приемных родителей в качестве слуг. Ее заведение стало самым популярным домом гейш в городе; у нее были талант, очарование и богатый покровитель. Она была красавицей; фривольной, но неприступной.

Токийским Дон Жуаном тех времен был актер театра Кабуки Итимура Удзаэмон, чьи любовные романы составляли основное содержание великосветских сплетен. Однако, иногда даже Казанова оказывается отвергнутым. Итимура был увлечен и обманут знаменитой кокеткой, известной гейшей, и об этом стало известно. Почитатели и поклонники его таланта решили, что он мог бы составить с великой О-кои замечательную пару (и основательно улучшить свою репутацию известного любовника). Группа почитателей актера сделала О-кои предложение: какой замечательный получится союз двух талантливых и прекрасных людей!

Ее приемным родителям идея не понравилась: для них актеры были богемой, щеголями и повесами, на которых невозможно было положиться и из которых выходили плохие мужья. Однако О-кои также была поклонницей Итимура, этого симпатичного актера. Подобно многим современным школьницам, потоками изливающим свои чувства на кумиров, она также имела много гравюр с его изображениями в различных театральных костюмах. Ну, и что с того, что она рискует потерять богатого патрона — гейша живет не одной роскошью. Собственно, биржевик Ядзима был польщен распространившимися слухами: его имя произносилось в связи с развивающейся романтической любовной историей! Он стал сам небольшой знаменитостью. Следует помнить, что выдающиеся японцы имели на содержании знаменитых куртизанок в виде символов своего статуса. Примитивные богачи временами ощущают необходимость выставлять себя на обозрение. Ядзима даже помог их роману, став официальным посредником для организации свадьбы в самой экстравагантной манере.

После пышной брачной церемонии О-кои стала госпожой Удзаэмон; она даже приняла обратно свое первое имя Тэру. Для молодой невесты общепринятым было переходить жить к родителям мужа, а японские свекрови очень часто бывают сущими чудовищами. О-кои попала одна из самых худших: она превратилась в какую-то Золушку, рабыню своей свекрови, замарашку, выполняющую всю самую грязную работу по дому. Для нее женитьба обратилась своей самой грустной стороной.

Хуже всего было то, что Удзаэмон, удовлетворив свое самолюбие, заимев в жены великую гейшу, вернулся к любовным похождениям и стал самым неверным из мужей, часто меняя пассий и почти не появляясь дома. Одновременно росла его актерская слава; он стал одной из ярчайших звезд своего времени. Однако, с ростом своего успеха, он все больше уделял времени развлечениям и тратил все больше и больше денег.

О-кои пришлось воспользоваться своими личными накоплениями, чтобы оплачивать его долги; собственно, она вообще довольно редко видела своего мужа: его ждали новые вечеринки и новые спальные матрасы. Обнаружив себя между молотом (свекровью) и наковальней (потерянным мужем), О-кои вежливо попросила о разводе. Муж согласился,

позволил ей забрать личные вещи, но не дал себе труда попрощаться и пожелать удачи. О-кои заняла 1 000 иен и устроила новый чайный дом; даже с разбитым сердцем и осыпавшимися вишневыми лепестками, надо было продолжать жить и работать. Ее замужество продлилось два несчастных года и оставило немало шрамов в душе и на психике. Исчезла лучистость ее глаз, ушел романтизм, пропала мягкость; она превратилась в королеву ночного города — гейшу-куртизанку, алчную до удовольствий и денег. Покровители и любовники появлялись и исчезали; потери и одиночество были отгорожены высокой стеной острых страстей.

Со временем к ней в дом стали приходить борцы сумо — великие народные герои, и два из них в особенности добивались О-кои. Как мы уже говорили, для многих женщин эти борцы обладали особой сексуальной привлекательностью, — в этом непрочном мире они такие основательные! — и одной из таких оказалась О-кои.

Для решения вопроса: кому достанется О-кои было устроено нечто вроде рыцарского турнира, поединок между двумя гигантами, Араива и Хитатияма. Победителю доставались чары и любовные прелести знаменитой гейши О-кои. Возбуждение у публики было столь велико, как если бы им предстояло присутствовать при публичном любовном соединении двух кинематографических звезд.

Поединок окончился победой Араива, и ни одна принцесса не бросалась с большей готовностью к убийце дракона, терроризировавшего королевство, чем изящная О-кои к громадному Араива. Тот был простым и недалеким парнем — сплошное сало, включая мозги. Всю свою призовую сумму он подарил О-кои и умолял ее выйти за него замуж. Однако после случая с актером слово «замужество» лишь раздражало ее. Кроме того, известный аристократ, сам премьер-министр Японии Кацура Таро прибыл, чтобы засвидетельствовать ей свое почтение. В 1903 г. он устроил вечеринку с гейшами, чтобы развлечь гостей из России. На ней присутствовало пятьдесят гейш, включая О-кои, которая заметила, когда ее представили почетному гостю генералу Куропаткину, что он — «волосатый варвар».

Как это обычно бывает, за «мирными встречами» последовало столкновение: на следующий год разразилась Русско-Японская война, и премьер-министр Кацура с головой ушел в военные планы, политику, экономику, внутренние и международные дела. Принц Ямагата предложил ему развеяться с помощью теплого сакэ и красивых гейш и вновь пригласил О-кои.

Остальное не вошло в школьные учебники по истории: она и премьер-министр стали любовниками, и связь их длилась до смерти государственного деятеля в 1913 г. Их отношения стали глубокими, они были преданны друг другу, а О-кои получила в собственность дом неподалеку от его резиденции.

Теперь у нее был влиятельный любовник, управлявший страной, ведущий войны, и она не была более гейшей, ведущей разнузданную жизнь, но — уважаемой женщиной с положением и немалыми возможностями, которые она могла реализовать через мужчину, разделявшего с ней спальный матрац.

Мирные соглашения, подписанные под давлением президента США Теодора Рузвельта, вызвали широкое негодование в Японии. Они выиграли войну, а Америка навязала им мир, — и продлила агонию умиравшей царской России до 1917 года! Кацура и его кабинет критиковали и поносили, как сыгравших роль «когтей белых варваров». О-кои также не избежала нападков; она и Кацура были провозглашены предателями родины.

Проходили марши и митинги протеста, толпа на улице нападала на Кацура, на О-кои сыпались угрозы расправы, как с любовницей предателя Богини Солнца. О-кои стала скрываться; для охраны ее дома выставили солдат. Лишь много недель спустя она

осмелилась появиться на улице. Массовое сознание всегда бывает заражено идеей, что война производит великие результаты.

Кацура ушел в отставку и публично заявил, что порывает все отношения с женщиной по имени О-кои. Сперва этот удар почти уничтожил ее, но ей объяснили, что для ее безопасности это — наилучший шаг.

Однако, любовники вскоре вновь соединились в частной вилле на полуострове Идзу. Здесь они без страха предавались своей любви, а массовое сознание быстро забывает то, что еще недавно считало чуть ли не самым главным в жизни.

В 1908 г. Кацура вновь стал японским премьером, а в 1912 г. занял этот пост уже в третий раз, уже больным человеком. Год спустя, в возрасте шестидесяти семи лет он умер, оставив тридцатичетырехлетнюю О-кои вновь одну. Ее унизили, категорически запретив присутствовать на похоронах, — социальный протокол был жесток.

И вновь она уехала, забрав свои вещи, однако на этот раз с состоянием, которое ей оставил Кацура, поселившись в предместьях Оимати, в полном одиночестве, читая буддийские сутры ради упокоения своего любимого человека, где бы тот теперь ни находился. Так прошло пять лет, а затем она вернулась — все еще привлекательная, столь же красивая, как и в лучшие дни, в новый мир, в Японию XX в., вынашивавшую безумные планы завоеваний и готовившуюся ко Второй Мировой войне. Чайные домики уходили в прошлое, главным центром притяжения становилась веселая Гиндза — место, где проходила светская жизнь. О-кои подстроилась ко времени и основала «Национальный бар». Это стало местом, куда ходили, чтобы увидеть и познакомиться со знаменитой владелицей, выпить западных коктейлей, съесть «роодзу-биифу» (ростбиф), узнать о новых зарубежных танцах, о Кролике Банни и о Медведе Гризли.

Однако удача столь же быстро покидала О-кои, как и находила ее. В 1923 г. великое землетрясение уничтожило город, а вместе с ним и «Национальный бар», и, хотя она и отстроила его заново, но он ее уже не радовал. К тому же, ее популярность осталась в прошлом, к которому она принадлежала. Появился джаз, шли разговоры о Фрейде, Марксе, тоннаже боевых кораблей, Пикассо и Обществе Черного Дракона.

Она ушла на пенсию, где ей и следовало бы оставаться, но старые гейши никогда не умирают, они то исчезают, то вновь возвращаются. В последний раз О-кои была извлечена из безвестности неким острым умом, занимавшимся политикой в период Мэйдзи, уговорившим ее открыть чайный дом в районе Акасака. Политические делишки, которые обделывал этот субъект в ее чайном домике, привели к большому скандалу. О-кои вновь чуть не стала жертвой толпы. Над ней смеялись, когда она была привлечена в качестве свидетеля по делу — жертва чужого непотребства, но лицо, заслуживающее символического наказания.

Ее стали избегать друзья; ее непопулярность росла. Веселые и влиятельные знакомые прошлого либо умерли, либо были давно не у дел, а в чайных домах и в Ёсивара спрос среди денди и беспутных шалопаев был уже на гораздо более молодых, новых красавиц.

В 1938 г. она постриглась и стала буддийской монахиней в храме Мэгуро. Великий актер, а когда-то — ее муж Итимура Удзаэмон умер, и улицы наполнили скорбящие, а вся страна пребывала в трауре. Для удержания толпы была вызвана полиция.

Будда как-то сказал: «Богатство не в избытке вещей или славы, но в отсутствии желаний»... Монахиня из Мэгуро не делала никаких публичных заявлений. Летом 1948 г. она умерла в возрасте 70 лет, и лишь маленькая группка переживших ее друзей установила скромную статую Каннон, Богини Сострадания, на территории храма. Тем немногим сегодня, кто захочет спросить, скажут, что она называется О-кои Каннон.

Истории о гейшах и куртизанках

О гейшах сложено много эротических повествований, большинство из которых — просто ерунда. Ясно одно: гейша, не являясь профессиональной проституткой, была в сексуальном плане свободным человеком, чьи моральные ценности совпадали с теми, что мы находим у любой девушки, вынужденной зарабатывать себе на существование в мужском мире, которая редко отворачивается от хорошего предложения наличными, если только сможет его получить.

О том, что у гейш и проституток были свои мечты и надежды относительно романтического побега из своей сферы жизни, мы читаем во всех историях, во всех повестях от раннего периода и вплоть до того времени, как Япония под грохот рок-н-ролла стала современной.

Несмотря на различные низменные детали, жизнь в Ёсивара имела свой этикет и находилась в состоянии некоторого неустойчивого равновесия. Она проходила на переднем крае культуры; там слагались произведения традиционной литературы, основывавшиеся на легендах о великих куртизанках, любовных историях, идиллиях, большинство из которых оканчивалось трагически — и в жизни, и на бумаге.

Пройдохи, аристократы, сёгуны, придворные, дэнди, ханатарэ (сопляки из «золотой молодежи») влюблялись в гейш и проституток; организовывались свидания, на которых звучали клятвы и строились практически неосуществимые планы.

Писатели того времени создавали об этом произведения; проститутки и дамы читали их и плакали. Как и в любом подобном заведении во все мире, девушки из Ёсивара мечтали о богатом, благородном, красивом госте, который выкупит их и увезет прочь. Безусловно, гейши часто становились хорошими женами, однако в романах о куртизанках мы не находим ни следа подобной тенденции. Со своей провокационной жестикующей, инстинктивным и оттренированным приспособленчеством к желаниям мужчины, они чувствовали себя комфортнее в полумраке комнат, предназначенных для нарочитой сексуальной игры. В свете дня проститутка теряла свою безмятежность, исчезали все ее яркие качества; оставались одни интимные части, предназначенные для продажи.

Куртизанки являли собой фривольную элегантность, обрамленную в дисциплинированную веселость своей работы. Их великолепие не выходило за пределы Великих Врат Ёсивара.

Покладчивая любвеобильность — вот все, чем они обладали. В отличие от гейш, им не было необходимости представлять яркими, сообразительными и интересными, хотя многие и являлись таковыми. Они оставались прекрасными женщинами, узницами своих умений в совокуплении и сопутствующих играх. Никто (или очень мало кто) из мужчин не удовольствовался бы такого рода рутинной двадцать четыре часа в сутки вне публичного дома.

Тем не менее, зачастую то были прелестные создания, как мы видим их на гравюрах Утамаро, Хокусая и других: молодые девушки с орлиной осанкой, претенциозными шеями, выкрашенными в белый цвет, в огромных блестящих париках с торчащими шпильками. Их опытные, хладнокровные улыбки, сдержанная невозмутимость их элегантных приседаний, — все, что от них осталось, это подобные чудесные изображения. А также — их амурная изобретательность, зафиксированная в макура-дзасси (интимных дневниках).

Писатель XVII в. Ихара Сайкаку описывает историю, от которой получили бы удовольствие его современники — Шекспир, Бен Джонсон и Кристофор Марло. Сайкаку часто рассказывал, как воспламененные любовью молодые люди губили себя с проститутками из Ёсивара, и в повести «Вдова и счастливый любовник» он говорит об одном сластолюбце и его страсти.

Куртизанки, кодекс поведения которых должен был делать их стойками и фаталистами, всегда настроенными на убаживание мужчин, далеко не всегда заканчивали жизни славными мученицами, как мы видим из жизнеописания самых известных из них.

Некая дама по имени Тамакото была особо популярной в Ёсивара в своем роде. Она ввела в моду вставлять сосновую веточку, называвшуюся *наки*, в обратную сторону рукоятки зеркала, которым пользовалась во всемя своего туалета. Дерево *наки* считается священным в храме Идзу–Дайгонгэн в Хаконэ, провинции Идзу. Это — божество, обеспечивающее выполнение обещаний, даваемых друг другу мужчинами и женщинами, независимо от тяжести последствий. Подобно многим куртизанкам, Тамакото умерла молодой, в двадцать пять лет. Она была автором песни «Грустная бабочка», название которой лучше всего прочего говорит о ее отношении к жизни (до наших дней дошло только описание общего содержания песни, но не сам текст).

Около 1700 г. жила знаменитая куртизанка Усугумо (Легкое Облако). Стройная, как молодое деревце, красивая, с грациозной походкой, она проводила вечеринки с любованием луной, когда все собирались на улице и смотрели на небо, пели, шутили, занимались любовью. У нее была кошечка, которая, ходили слухи, была влюблена в Легкое Облако, а не гуляла с другими котам, и как «правильная» кошка. Однажды, когда ее привязали к шесту, она с воем оторвалась и бросилась в уборную за своей хозяйкой; испуганный повар отсек ей голову ножом, когда она пробежала мимо. По легенде, эта голова была обнаружена в уборной, а в ее зубах — мертвая змея, столь предана он была Легкому Облаку. Эта типично японская история не кажется нам слишком странной. В старину указывали на специальную могилу — место упокоения воссоединенных частей тела знаменитой кошки; теперь оно, разумеется, затерялось после многочисленных изменений в ландшафте.

Во многих историях о знаменитых куртизанках описываются их последние недуги, так как многие умирали молодыми из-за излишеств времяпровождения: частого употребления алкоголя и чрезмерно чувственных отношений с многочисленными любовниками.

Не все истории, однако, повествуют о красоте куртизанок, поэзии, их домашних животных и любовных делах. Некоторые демонстрируют большую проницательность, некоторые предстают курьезными.

Куртизанка Каору (Аромат) участвовала в разнузданных гулянках с богатыми молодыми плейбоями, и, по мере того, как эти оргии становились все более дикими, для утомленных и пресыщенных искателей удовольствий изобретались все более странные игры. В одной их таких сакэ выпивалось немедленно, как только его приносили служанки, большими чашками. Прозвучал вызов: кто, ради того чтобы произвести на Каору впечатление, вместо чашки сакэ проглотит чашку перца?

Вызвался один юноша и, начав с чашки сакэ, он стал глотать жгучий черец, но очень скоро повалился агонизируя на циновки. С этой абсурдной историей куртизанка и ее жизнь внезапно предстают перед нами реальными. Такое вполне мог поведать Ф. Скотт Фитцджеральд; это наверняка могло случиться в рамках «кислотной» культуры хиппи. Мы находим много историй о прославленных куртизанках, становившихся наложницами высокопоставленных особ.

Существовала целая династия элегантных, острых, раскрепощенных девушек, называвшихся Така-о. Большинство из них выкупалось из публичных домов великими даймё (повелителями), и они проводили свою жизнь как очаровательные существа, получавшие немалое вознаграждение.

Мидзутани Така-о сделала карьеру, схожую с современной венгерской *femme-fatale*. Один банкир взял ее из «веселого квартала» для принца Мито, но она, как ни странно, бежала со слугой этого банкира, мужчиной шестидесяти восьми лет. После этого каприза она все же чинно вышла замуж, но вступила в связь с даймё из Ками. Долго и это не продлилось: она

убежала с одним из чиновников даймё. После этого она очутилась в Фукагава в качестве жены парикмахера, затем вышла за актера Содзока Масаноскэ. Ее последним мужем, о котором мы знаем, был продавец масляных ламп из Микаватё. Скорее всего, она продолжила бы в том же духе, но внезапно умерла прямо на улице напротив храма Дайон.

Дадзомэ была шестой из Така-о (нет никаких подтверждений тому, что эти женщины были хоть как-то связаны; то было просто популярное название, «счастливый брэнд»). Она была очень красива, с писательским даром, изящна, естественна, элегантна. В один из дней ее увидел простой красильщик тканей по имени Дзиробэй, который гулял по Ёсивара, разглядывая юдзё — девок (недостаток денег был в Ёсивара единственным пороком).

Дадзомэ была куртизанкой высокого разряда, и ее вид ослепил красильщика. Она была не для него; он не обладал ни статусом, ни средствами, чтобы хотя бы встретиться с ней. Вернувшись в хозяйский дом он впал в мрачное настроение. Выслушав его историю, хозяин сказал, что все, что ему надо, чтобы приобрести расположение понравившейся особы — это деньги. Ведь именно поэтому она проживала в таком месте.

Прошло некоторое время, но пришел день, когда он почувствовал, что скопил достаточно, что предстать перед ней в качестве гостя. Он не выглядел богатым посетителем: неопрятно одетый, в пыли, руки покрыты краской от постоянных занятий, — но он показал бумажник, и вот, наконец, рядом с ним стояла великая куртизанка Дадзомэ Така-о. Он излил ей свою очарованность, и что-то в его крепкой стати привлекло ее; может быть — его желание взять ее в жены, увести ее прочь из этого места, хотя, конечно, ему никогда бы не удалось столько заработать. Дадзомэ сказала, что он нравится ей и, да, она выйдет за него замуж, когда закончится ее контракт с публичным домом. (Различные версии этой истории не раскрывают нам, остался ли он с ней в ту ночь, платил ли вообще, заказывал ли еду и сакэ). Говорится лишь, что в свое время она оставила «веселый квартал», вышла за своего пылкого красильщика, а тот стал вести дело вместе с ней, открыл собственную лавку, торговавшую шелком, и стал процветающим торговцем. Вполне могло случиться и так; не все девушки заканчивали фривольными и беспутными отношениями.

Десятая Така-о проживала в Ёсивара в 1728 г., а следующая в линии была выкуплена миллионером, даймё Этиго. После его смерти она стала монахиней и узнала, что добродетель, как и деньги, в Ёсивара обесценивается.

Поэт Огия Уэмон заправлял публичным домом (сразу же вспоминается Вийон!), гордостью которого была куртизанка Хана-оги. В 1794 г. она убежала с любовником, однако была отыскана и приведена обратно в Ёсивара. Очищенная истинной любовью, она отказалась принимать гостей. Поэт-содержатель дома, писавший под псевдонимом Бокука (Река Туши — сколь точное имя для писателя!) послал Хана-оги стихотворение, в котором просил пересмотреть свое поведение. Ее тронули эти строки, и в слезах она написала ответную поэму, а затем вернулась к работе. Китайский монах Хикосэй, посетив Нагасаки, послал ей оттуда письмо с выражением восхищения:

Вы, главная куртизанка из прославленного дома удовольствий, богато одарены Небом сотней различных грациозных совершенств, столь выдающихся у женщин. Я, чужеземец из дальних краев, временно пребывающий в вашей стране, должен буду уехать, не узрев ваших чар, но продолжу стремиться к вам, даже пребывая на груди безбрежного моря.

Сохранилось одно из стихотворений Хана-оги:

Даже при сияющей осенней луне
Его лицо, в последний раз увиденное весной,
Все еще оставляет отпечаток
В моем сердце...

Мы не знаем — о чьем лице идет речь: Бокука? утраченного любовника? китайского обожателя? какого-либо временного гостя, унесшего с собой ее сердце?

В тексте Окада Сёги мы находим хорошее описание того, как гейша и ее любовник проводили время вне Ёсивара:

Они ходили по Эдо, наслаждаясь как ясной погодой, так и временами накрапывавшим дождем. Она была в тщательно подобранном двенадцатислойном кимоно стиля Хэйан, а на нем было накидка с длинными рукавами, популярная у молодых модников.

Они любовались вишневыми цветами у Асукаяма и коснулись там знаменитого памятного камня, что должно было принести удачу. Они ходили по взморью в Синагава, садились в опасно узкую лодку, плыли, опустив ладони в воду, мимо деревянных боков коричневых кораблей, буксировавшихся по быстрому соленому течению. Они остановились у Такасимая, известной лавки, в которой торговали рисовым печеньем, в районе Рёгоку, — месте, известном красивыми женщинами. Она сжевала печенье и сказала с улыбкой: «Однажды ты оставишь меня ради одной такой женщины».

«Возможно, ты и права», — ответил он шутливым тоном.

«Здесь все прекрасны — официантки, куртизанки, маленькие служанки».

«Но не так прекрасны, как ты», — ответил он в стиле подобающем любовнику.

Он купил ей букет оминаэси — маленьких желтых бутонов, называвшихся «женскими цветами»; иногда их называли цветами продажных девок. Два ее адониса в горшках, сказал он, гарантированно являлись «совершенными символами счастья и долголетия».

Она смотрела на него так, как если бы каждый такой взгляд доставлял ей удовольствие, и она все никак не могла наглядеться на этого человека, понемногу становившегося хорошо известной фигурой на улицах Эдо. Уличные девушки в центральном районе Хондзё отпускали в его адрес веселые замечания. Продавец конопляных кимоно был горд тем, что шил для него одежду, а когда он проходил Акацута-я — дома свиданий на речной пристани, девушки высовывались из окошек и кричали ему вниз: Сибараку! («Зайди на минутку!»)

Мисс Тауда, японская директриса и христианка по вероисповеданию, могла уже в 1906 г. заявить:

Слово «любовь», в его иноземном смысле, было до сих пор незнакомо нашим девушкам. Долг, подчинение, доброта — вот какие качества ожидались от спутницы избранным для нее мужем, и в результате мы имели много счастливых, гармоничных браков. Теперь вы, дорогие сентиментальные иностранки, говорите нашим девушкам: «Выходить замуж без любви дурно; в этом случае послушание воле родителей есть грубое нарушение природных и христианских законов. Если вы любите человека, то должны пожертвовать всем, но выйти за него замуж».

Может показаться, что за любовью человек был вынужден идти к проституткам и гейшам.

Якумо Коидзуми, который ранее был известен как Лафкадио Хёрн, писал в конце XIX в. о японской культуре, искусстве и жизни, но почти не упоминал Ёсивара. Однако, когда ему попадалась мрачная романтическая история, даже он не мог устоять:

В древности жил хатамото по имени Фудзи-эда-Гэки, подчиненный сёгуна. Он имел доход в пять тысяч коку риса — весьма немалое количество в те дни. Однако он влюбился в обитательницу Ёсивара по имени Аягину и пожелал жениться на ней. Когда его хозяин поставил перед ним выбор: богатство или предмет страсти, любовники втайне бежали в дом одного крестьянина, где совершили двойное самоубийство. Этот грустный случай нашел отражение в одной популярной песне, где были такие слова:

Еще один раз побыть с ней рядом, или сохранить пять тысяч коку?
Зачем мне коку? Я лучше пребуду с ней!

На кладбищах можно обнаружить много мест, где похоронены юдзё, умершие со своими возлюбленными. На надгробных камнях высечены описания мечей, которыми они убили

себя, их имена и возраст. Чем-то жутким и тягостным веет от этих безжалостных столбов с надписями, покрытых лишайниками; кровь холодеет, и прохожий спешно покидает это место, желая себе никогда более туда не возвращаться.

Конец Ёсивара

**О, Эдо!
По ночам
Я тихонько выхожу в тебя
Через зал воспоминаний...**

Анон

Ёсивара, прибежище великих куртизанок, изображенных на гравюрах, прожила долгую жизнь, начавшуюся в 1717 г. С ходом времени в ней изменилось немного привычек и установлений. Однако, в XX в. упадок Ёсивара стал очевиден. Говоря западными терминами, гула и либидо (невоздержанность и половой инстинкт) все еще оставались ее основными предметами торговли. Первая Мировая война не уничтожила Ёсивара; она продолжала существовать, но и другие бордели широко распространились по всему городу. Конки, автобусы и такси сделали путешествие удобным для тех, кто желал проверить свою чувственность. Великое землетрясение и пожары 1923 г. уничтожили многие веселые кварталы, но лишь ненадолго.

Между двумя мировыми войнами Ёсивара деградировала, став даже потрепанной, потеряв свою элегантность, которой так славилась ранее. Гейши постарели, их количество уменьшилось. Куртизанок обошли числом низкопробные проститутки, некоторые — на высоких каблуках и с западным макияжем. Моральный климат в Японии претерпевал изменения под воздействием западных ценностей, промышленных перемен и международного туризма.

Затем даже места, которые ранняя Ёсивара занимала в разных городах, стали трудноопределимыми, так как пра-правнуки commodора Пэрри прилетели на огненных драконах с бомбами и сожгли эти города. После Второй Мировой войны чайные домики заменили новые строения, а вместо фонарей появились неоновые надписи: GIRLS, BEER, DANCE, JAZZ.

Проституцию оккупировали любители; Япония импортировала понятие «девочек по вызову»: в облачениях от псевдо-Диора те ожидали новых даймё, членов советов директоров, высокопоставленных работников компаний и богатых американцев. Они сидели на другом конце телефона безо всяких сямисэнов или чайных принадлежностей. Девушки из данс-холлов, из хоров, «шоу-гёрлз», джазовые певички — они размножились в изобилии по разным местам современной Гиндзы.

Домик, где подавался зеленый чай, утонченный декор, искусная грациозность, — все это ушло. И вы можете купить салфетки для коктейля с изображениями «Двенадцати часов Ёсивара» Утамаро.

Как и в западном мире, сексуальные отношения до женитьбы и новые стандарты феминизма были приняты и поощряемы японскими мужчинами авангардистской настроенности. Любительница в качестве партнера для постели, равноправный сексуальный игрок предпочитался профессиональной проститутке, требовавшей оплаты.

Вся философия, создавшая Ёсивара, ритуал, драма и образцы, — все устарело. Желая того, или нет, но Япония в эпоху реактивных самолетов стала частью раздробленного мира, в котором ученые, материалисты и фанатики от политики не имели никаких гарантий выживания. Более никому не надо было надевать корзину на голову, чтобы посетить проститутку; большинство японских женщин, независимо от того, к какому классу они

принадлежали, стали сексуально доступны мужчинам по своему собственному выбору, способны порвать с традицией, не опасаясь получить печать бесчестия и позора.

Кодексы синтоизма, буддизма и миссионерского христианства теряли крепость своей хватки. После Второй Мировой войны статус женщин стал повышаться. Они спокойно отказывались беспрекословно принимать побои от мужей. Они шумно протестовали против того, чтобы те тратили деньги на пирушки с гейшами, девушек из чайных домов и проституток.

Журналист–философ Артур Кёстлер, хорошо знавший Японию, заметил в одном интервью:

”Серьезным явлением является воинственный пуританский дух, который, кажется, захватил большинство японских домохозяек. Они требовали, чтобы правительство отменило старую систему платных удовольствий; их главной целью был город Плывущего мира. Сладострастники из старой гвардии с яростью и горечью обреченности бились за спасение Ёсивара, но в 1949 г. были приняты законы, запрещающие существование всех подобных мест. На протяжении девяти лет, древние развалины, старики и вообще все, помнившие лучшие времена, сражались с правительством. Однако вместе с телевидением, кока–колой и эластичными брюками пришло и пуританство. Нация превратилась в приверженцев джаза, различных шоу, рок–н–ролла, джинсов и миниюбок.”

Наконец, в 1956 г. вышел указ, по которому все публичные дома в Японии закрывались. «Для поиска работы женщинам» давалось два года. Разумеется, это не оказало никакого воздействия на ситуацию с проституцией, но всего лишь подтвердило сделанное кем–то замечание: «Ханжество есть дань, уплачиваемая добродетелью пороку».

Первого апреля 1958 г. Ёсивара и все ее подобию в Японии — рядом с горой Фудзи и вдалеке от нее — были официально отменены, и прозвучало это, как разновидность шутки в День дураков. Запрет не отменил секс вне дома и семьи, не отменил он также и проституции, банных девочек, хостесс в барах, ночных клубах и на перекрестках, а также их эротические игры.

Упадок традиции гейш и куртизанок в их классическом виде не стер, тем не менее, мужской доминанты в отношениях между мужем и женой. Мужчина в Японии и сейчас имеет в семье больше прав, чем женщина.

Звук сямисэна сегодня можно услышать в основном лишь в записи. Шоу–гёрлз с Гиндзы встречают сегодня гостей в широких брюках и блузках. Девушки по вызову выглядят так, как будто приехали из Голливуда; вероятнее всего, они никогда не слышали о Ёсивара. Современные японские мужчины в городах ходят сегодня на суториппу (стриптиз), где танцы имитируют представления в Лос Анжелесе, а не движения пьес Кабуки и Но. Сперва «Битлз», затем другие современные мелодии рока заполонили танцзалы и дискотеки. Ушли навсегда голоса Дандзюро — нескольких поколений знаменитой актерской династии Японии.

Насколько верно старое выражение: «Король узнается по состоянию музыки в его королевстве».

Как и в старой Ёсивара, целью ночной жизни остались песни, еда, выпивка и секс. Исчезли только признаки местной грациозности — фумидзуки (поэтический месяц), традиционная музыка ромэй (жизнь, подобная росе), спокойствие и достоинство церемонности, досуг и созерцательность чайных домиков. Как писал неизвестный поэт,

Если бы я только мог
Сделать из этой осенней ночи
Тысячу ночей!
Так много сладких слов
Остались несказанными...

Исчезли прекрасные создания, запечатленные Утамаро и Киёнага; их идеализированная красота существует сегодня только на бумаге. Современная японская проститутка привыкла

к жизни в квартире, к своему новому окружению. Ее тело изменило форму от упражнений, занятий спортом, диеты и требований западной одежды. В целом из повседневной жизни исчезло кимоно, церемониальные символы чайной церемонии, поэтичность неспешной походки, почтительный поклон. Японки стали выше ростом, но менее грациозны. Хрупкое создание прошлого превратилось во взмокшего партнера по теннисному корту.

А придворная дама туманной древности записывала с утраченной ныне грацией о чувственных играх своего времени:

”Посреди ночи вдруг очнешься... Что же тебя разбудило? А, проснулась дама за соседней перегородкой! Слышатся приглушенные голоса, но слов не разберешь. Вот тихо–тихо засмеялся мужчина... Хотелось бы мне узнать, о чем они беседуют между собой?” *(пер. В. Марковой)*

Это ощущение спокойствия, расслабленного получения удовольствия ушло. Детализированные амурные ритуалы стали примитивизированы и извращены в сексуальной торговле до главного — деньги на стол, и безо всякой чепухи, поэтической или любой другой. Однако даже местное население иногда задумывается: до какой степени Япония действительно может прийти в изменении своих чувственных привычек, и желает ли она этого?

27 / 11 / 2003 - 03 / 01 / 2005

[Японский журнал – Japan.Ru](http://japan.ru)

Иллюстрации:

www.japaneseprints-london.com

www.japantoday.ru

www.artprojekt.ru

<http://www.cultline.ru>

galeon.hispavista.com

www.torrealbart.com

www.japaneseblockprints.com

www.ukiyo-e.demon.co.uk

www.degener.com

www.japaneseprints.net

Кокусай Нитибункэн кэнкю сэнта

Эротика в искусстве.ООО ДиректМедиа Пабблишинг